

Вера Чиркова

**ТРОПОЙ
НЕОБЪЯВЛЕННОЙ
ВОЙНЫ**

*книга четвёртая
серия королевское око*

Иван Савин
Вера Андреевна Чиркова
Тропой необъявленной войны
Серия «Королевское око», книга 4

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69244489

*Тропой необъявленной войны / Вера Чиркова и Иван Савин: Авторское;
2023*

Аннотация

Отбор шел пять дней, и четверых из кандидатов я выделил еще в первый день. Во второй – еще двоих. В третий, нехотя, добавил в список двух девушек. Нет, я не против женщин-очей, просто очень уж опасна и трудна наша работа. И лучше им искать себе дело поспокойнее. Однако девчонки так явно превосходили соперников в некоторых, крайне важных для меня, вопросах, что было просто подлость их не взять. В четвертый день мне повезло, неожиданно вырвались вперед еще трое, став первыми из немногих, правильно решивших сложную задачу. На последнего, ехидного Ларика, с несчастным вздохом указала Кларисса, осознавшая к окончанию пятого дня, что я намерен закрыть список, так и не набрав намеченной дюжины воспитанников.

А сейчас они, озабоченно перешептываясь, неторопливо плетутся назад, снова заглядывая в каждую комнату.

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	19
Глава третья	37
Глава четвертая	50
Глава пятая	64
Глава шестая	81
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Вера Чиркова и Иван Савин

Тропой необъявленной

войны. Книга четвертая

© Вера Чиркова, 2023

© Иван Савин, 2023

Глава первая

– Проходите. Садитесь.

Я смотрел, как они опасливо заходят в дом, такие юные и в чём-то похожие, но, тем не менее, абсолютно разные, и думал, а за каким, собственно, лешим, мне было это нужно?

У меня что, работы не хватало без этой головной боли? Или я похож на одного из тех отъявленных фанатов своего ремесла, которые забывают поесть, когда лепят свои статуи или малюют картины?

Да ничего подобного. Мне нравится просто валяться в гамаке в своем саду, поглядывая исподтишка на замки, которые выращивают моим младшеньким древни, и давать им неслышные советы.

Еще больше я обожаю, когда рядом сидит Ортензия и тихонько рассказывает домашние новости и собственные планы. А самый пик счастья наступает, когда приплетаются уставшие от зодчества младшие, устраиваются по разные стороны от меня и требуют сказку. И я начинаю любую, с любого места, потому что рассказывать до конца все равно будет некому. Близнецы уснут, выслушав всего три-четыре фразы. Творчество не самое легкое дело, особенно, когда тебе еще не исполнилось и трех лет.

Невольно глянув в ту сторону, где высится на холме фамильный замок Зии, перевожу строгий взгляд на устроив-

шихся на диванах учеников. И ловлю в ответ настороженные взоры одиннадцати пар глаз. Хотя сначала я отобрал двенадцать кандидатов, после вынужден был добавить тринадцатого. Точнее, тринадцатую. Отказывать верным друзьям не положено. Тем более, если просят они крайне редко.

Ну а в том, что еще не все кандидаты с нами, частично есть и моя вина. Или наоборот, забота, как посмотреть. Все отсутствующие ученики – девушки, и это я вовремя успел проверить их баулы.

У одной набор запасных вещей оказался скудноват, у второй – чуть побогаче. И тем не менее, у них имелось самое необходимое, кроме мужских костюмов. И только у третьей, той, за кого просил Сардат, почти все вещи были мужскими. Она и сейчас сидела в мужской одежде и с пиратской косынкой на волосах, ничуть не завидуя двум согруппницам, которых Кларисса таскала по складу северной школы.

– Как вам известно, – сообщаю ученикам, подавив вздох, – мое имя – Грег Диррейт, и я королевское око. А с этого момента – ваш наставник и потому вы можете звать меня просто по имени. В любое время дня и ночи, так как наставники в нашем отделе приравнены в правах к родителям. И точно так же обязаны заботиться о вас, учить и лечить. А еще – хвалить и наказывать, заслуженно, разумеется.

– А можно узнать, как именно вы наказываете? – очень учтиво и кротко справился растрепанный парнишка, и, вряд ли я сумел бы расслышать в его словах тонкую язвитель-

ность, если не имел многолетнего опыта.

– Конечно. Но сначала вы заселитесь в свои комнаты и пообедаете. – твердо ответил я, и не из вредности. Просто к тому времени Кларисса приведет последних учениц, и мне не придется повторять правила еще и для них.

Дом, в котором разместилась моя маленькая школа, расположен всего в лиге от замка, но окружен каменной стеной. И надежно защищен магами ковена. Мне пришлось выдержать небольшое сражение с некоторыми магистрами, никак не желавшими понять, ради чего нужно тратить столько сил, если в северной школе есть свободные лектории и спальни. И все давно благоустроено, вплоть до разнообразных турников, дорожек и мишеней на стрельбище.

– Там учатся маги, – прозвучал мой главный довод.

И Кларисса с Леоном сразу поняли. Как и Торрель с Элесит.

– Больше никаких споров, – категорично объявил свой вердикт его величество. – Пока идет отбор, подберите для его школы особняк неподалеку от замка и устройте все, как Грег скажет.

Ну разумеется, после этих слов скромничать я не стал.

А кто бы удержался на моем месте?

Особенно после того, как они буквально силком повесили мне на шею это наставничество. В дополнение ко всем прежним обязанностям, между прочим.

– Ты пойми, – настырно уговаривала Кларисса, – кому же

учить новичков, как не самым лучшим?

И я в душе соглашался, внутренне тая от этого признания самым лучшим. А разумом приходил в ужас от собственной слабости перед банальной лестью. Вот просто похвалили меня, назвали самым-самым – и уже готов бежать на задних лапках, куда пошлют.

– Я ничем не лучше других, – взорвался возмущением, едва осознав, что Клара прекрасно слышит мои эмоции и нарочно гладила по шерстке, подводя к нужному решению. – но не имею никакого опыта в наставничестве.

– А вот тут ты уже лукавишь, – устало и жестко отрезала бывшая наставница. – и сам прекрасно помнишь и Зигеля, и принцесс, и магов северной школы. Тебе сам всеслышащий велел стать наставником юного ока.

– Ладно... в чем-то ты права, – обдумав ее слова, объявил так же жестко, – буду учить. Но только на своих условиях.

– Хотелось бы услышать основные, – опасливо заметил не вмешивавшийся в спор Леон.

– Да пожалуйста. Самое главное одно – все будут учиться до конца. – веско произнес я и смолк, любуясь сменяющимися на их лицах чувствами.

Изумление, недоверие, недовольство, возмущение и снова недоверие.

– Ты пошутил? Невозможно вырастить очей из всех принятых учеников. Ни у кого не получилось довести более двух. Ты сам учился одиночкой, – с привычной осмотритель-

ностью пояснил Леон.

– Нет, я не шутил. Но объяснять, почему так решил, пока не стану, примета у меня такая. Просто предупреждаю, отчислять никого не буду. Поэтому мне нужно не менее двадцати спален. Пусть небольших, но с отдельными умывальниками.

– Балдахины к кроватям шелковые или бархатные? – негромко съехидничал кто-то из магов.

– Какие он выберет – такие и повесите, – холодно уронил Торрель, решительно поднимаясь с места, – работайте. Меня ждут послы из Остана. Но указ подпишу, как только будет готов.

Вот поэтому в нашем общем доме, где ученикам предстоит провести ближайшие пару или тройку лет, есть все, что я счел необходимым иметь и вдобавок то, о чем тревожилась Зия, Клара и даже Сард. Кстати, нужно будет подбросить ему работку, по дружбе. Раньше я сам намеревался учить подопечных обращению с оружием, а теперь вполне могу попросить его дать им несколько уроков.

По лестнице на второй этаж я поднимался первым, сам себе напоминая клушку, ведущую на сеновал свой выводок. И попутно объяснял ученикам основные правила этого дома.

– Слуг тут нет, только кухарка и конюх. Все остальное делаем сами. Сами убираем, сами топим печи, сами носим дрова. Кухарке тоже нужно помогать, но не всем сразу, а по очереди. Придется составить список.

– А стирать? – волнует худенького светловолосого парня, одетого в явно коротковатые для него вещи.

– Как тебя звать? Ларик? Очень хороший вопрос, Ларик. – обрадовался я его практичности, – А стирают прачки. Приходят раз в декаду, забирают вещи и через день возвращают. Но те, у кого всего один костюм, могут не волноваться, в школе все вы обязаны ходить в форме. Она уже готова и висит в шкафах. Сейчас вы заселяетесь, умываетесь, надеваете форму, подписываете комнаты, и мы идем в столовую.

С этими словами я вошел в просторный коридор второго этажа и встал у двери в спальню, расположенную точно напротив лестничной площадки. На свежем светло-коричневом лаке очень эффектно смотрятся крупные, в пол-локтя буквы, сделанные белой краской.

«Грег».

– Вам туда, – показываю парням направо и ловко вытаскиваю из толпы подарочек Сарда. – а тебе – сюда. Займи комнату рядом с моей.

– И тут свои, – в голосе растрепанного парня сквозь легкое ехидство слышится тоскливое разочарование.

– Ну да, – невозмутимо подтвердил я, – вы все мне теперь свои. Но парни будут жить справа от меня, а девочки – слева. Их меньше.

– Какие девочки? – не понял он, – их пока нет. И при чем тут Лин?

Лина ехидно фыркнула, забросила баул за плечо и напра-

вилась к двери в выделенную ей комнату.

– Между прочим, – негромко заметил я, скучающе изучая лестничный пролет и высокое окно за ним, – воспитанные парни имеют привычку помогать девушкам таскать тяжести.

– Сама справилась, – с насмешкой сообщила девчонка, забрасывая баул в комнату. – а где взять краску?

– Там, на подоконнике, – указал я в ближний конец коридора и повернулся к парням.

Они недолго переживали отсутствие хороших манер и мигом забыли про соученицу. Дружно прихватив баулы и вещевые мешки помчались вдоль коридора, распахивая все двери подряд.

От изумления я на мгновение онемел. А потом молчал уже осознанно, ожидая, чем закончится этот забег. Хотя сразу знал, что ничего плохого или безрассудного они не совершат.

Отбор шел пять дней, и четверых из кандидатов я выделил еще в первый день. Во второй – еще двоих. В третий, нехотя, добавил в список двух девушек. Нет, я не против женщин-очей, просто очень уж опасна и трудна наша работа. И лучше им искать себе дело поспокойнее. Однако девчонки так явно превосходили соперников в некоторых, крайне важных для меня, вопросах, что было просто подлостью их не взять. В четвертый день мне повезло, неожиданно вырвались вперед еще трое, став первыми из немногих, правильно решивших сложную задачу. На последнего, ехидного Ла-

рика, с несчастным вздохом указала Кларисса, осознавшая к окончанию пятого дня, что я намерен закрыть список, так и не набрав намеченной дюжины воспитанников.

А сейчас они, озабоченно перешептываясь, неторопливо плетутся назад, снова заглядывая в каждую комнату.

– Грег... – негромко окликнула меня Лина, – можно один вопрос?

Хоть пять, для того я тут и стою.

– Конечно.

– А где умывальни?

– Сейчас дотащатся сюда твои собраты, и объясню сразу всем.

– Так они ходят так медленно, – посмотрев на парней, уверенно заявила девчонка, – потому что ищут умывальни и не понимают, в чем подвох. Ты же говорил, там, в монастыре, что око должно уметь думать и мгновенно разбираться в любых житейских ситуациях.

Ну да, говорил. Чтобы сразу осознали серьезность ожидающего их учения. И даже обещал специально устраивать небольшие неожиданные проверки. Но это же не значит...

Или, для них все же значит?

В таком случае получается, что олух тут сейчас только один, и это я сам. Придется исправлять оплошку. Как говорят в народе, если скисло молоко, не горюй, вари творог.

– С заданием первой правильно справилась Лина, – объявляю так громко, чтобы дошло до всех. – она просто при-

шла и спросила. Это лучший способ, если никто из окружающих не желает вам зла. А в этом доме вы в полной безопасности.

– Лин, – тихо, но упрямо поправила девчонка.

И получила в ответ лишь скупой кивок. Сейчас меня больше всего занимало другое. Лица учеников искривились в странной гримасе, взгляды принялись обшаривать пол и обшивку стен.

– Что вам не понравилось в моих словах? – начиная понимать, что имеются еще причины, кроме названной девчонкой, осведомился я, – Ларик, отвечай.

– Нас ведь тринадцать? – помолчав, поднял он взгляд, и в прозрачной зелени колдовских глаз плеснулись отчаяние и горечь, – вот и боимся...

– Все, не продолжай, – останавливаю его властным жестом поднятой ладони, – я тебя услышал и понял. И заявляю официально, вы все ошибаетесь. Двенадцать учеников – это лучшее число. Можно было набрать и меньше и больше, никто никаких ограничений мне не устанавливал. Впрочем, я и сам их не придерживался. И взял не только всех, кого выбрал сам, но и кандидатов, которых выбрали ваши учителя.

– Какие еще учителя? – насторожился парнишка.

– Об этом позднее. Сейчас вам ничто не мешает идти занимать комнаты?

– У меня два вопроса, – сделал шаг вперед лохматый парень, – меня зовут Шет. Где тут умывальни и сколько чело-

век будет жить в одной комнате?

– Как это... сколько? – опешил я, – там же только одна кровать?

– Но спать можно по очереди, – тихо буркнул кто-то, – и еще диванчики есть.

– Диванчики вы мне покажете, – судя по побледневшим лицам ближайших воспитанников, они расслышали в моей интонации нечто угрожающее, – а комнаты на одного. И умывальня у каждого своя. Идем, покажу.

В несколько шагов пересекаю коридор и влетаю в противоположную комнату, первую от лестницы справа, если смотреть отсюда. Я сам сначала хотел занять именно ее, но в итоге выбрал ту, которая была шире всех.

– Где диванчик?

– Вот, – ученик тычет пальцем в изящное изделие столяра.

– Это не диванчик, а козетка, – отлегло от сердца. А то я было решил, что прозевал хитрый финт мебельщиков, подсунувших банальные диванчики вместо легких козеток, – такое кресло. На ней удобно отдыхать, читать, просто смотреть в окно. Она легко двигается, ставь как хочешь. А дверь в умывальню – здесь. Видите кольцо? Беретесь правой рукой и двигаете вправо, дверца катается на колесиках.

– Это моя комната, – немедленно заявил Шет, и толпа, мгновенно сориентировавшись, ринулась прочь.

– Идем, покажу тебе, – оборачиваюсь к Лин, но ее уже нет поблизости.

Девчонка на самом деле соображает ничуть не хуже парней. Еще бы так же повезло с остальными ученицами и можно считать набор удачным.

Где, кстати, их там Клара таскает, обещала ведь четверть часа?

И словно в ответ на мои мысли со стороны лестницы раздалась девичьи голоса и веселый топот каблучков. А еще через несколько секунд на ведущих сверху, со стороны мансарды ступенях появились одетые в мужские штаны и рубашки девчонки. На плечах каждой висит на крепких ремнях походный мешок, руки заняты полосатыми останскими сумками.

Знаю я одно место, где все упаковывают именно в такие.

– Помочь? – шагаю навстречу ученицам.

– Мы сами, – бодро отмахнулась идущая впереди высокая, тонкая Данель, отзывавшаяся и на просто Нель.

– Сами, – подтвердила следовавшая за ней более плотная Сола, – нам Клара заклинанием сумки облегчила, как будущим ученицам.

Вот как? А почему я не помню, чтобы приглашал ее в преподаватели? И какого, кстати, предмета?

– Далеко еще? – добравшись до меня, осведомилась Нель.

– Пришли уже. Вот моя комната, тут живет Лин, следующие две ваши.

– О, как хорошо, – обрадовались они, и оставили одну из полосатых сумок у двери, где уже светится свежая надпись –

«Лин» – сделанная ничуть не меньшими, чем у меня буквами. – ей тоже подарили. Сказали, девочки любят сладкое.

Ну все, Клара, вот ты и попалась. Сначала, нагло пользуясь моей добротой, подсунула мне ученика, а теперь еще и секретами моими начала делиться со всем светом? Отныне ты нежеланный гость в моем доме и моем замке. На декаду, для начала.

Я решительно вернулся в свою комнату, запер дверь и прошел к стоящей в простенке кадке с невзрачным, на первый взгляд, кустиком.

– Родичи, – зову своих древней, – я не стал бы вас просить о помощи... вопрос не срочный и довольно спорный, но мне всегда неприятно, когда кто-то пытается без спроса влезть в мои дела, даже с самыми добрыми намерениями. Я при этом ощущаю себя либо оскорбленным, либо не вызывающим доверия, нуждающимся в присмотре подростком. А это обидно, когда знаешь, что и сам прекрасно справился бы. И теперь мне не хочется некоторое время встречать в своем замке и в этой школе свою напарницу... Клариссу. Ну и заодно ее коллег... чтобы не начали уговаривать.

– Ты позволишь нам посмотреть твои чувства? – помолчав, справился появившийся на ветвях полупрозрачный, зеленоватый человечек с огромными печальными глазами.

– Смотрите...

Минуты три они смотрят мне в душу, а я гляжу в окно и вспоминаю те дни, когда сам был учеником. И отсюда, с

высоты пройденных дорог, полученных ран и обид, сделанных ошибок и вырванных у судьбы побед, отчетливо вижу, какой нелегкий труд взвалил на свои плечи. А главное, какую ответственность несу перед своей совестью за неизбежные ошибки. Так пусть они хотя бы будут моими.

– Мы посмотрели, – прошелестел листками кустик, – и поняли твои чувства. Поэтому не пустим никого до тех пор, пока ты сам не захочешь.

Глава вторая

На обед ученики старались идти степенно, как требуют того правила приличия. Но едва рассмотрели стоящий посредине столовой длинный стол, вдоль которого тянулись хлебницы с горками аккуратно нарезанного хлеба, графины с морсом и квасом, глубокие мисочки со сметаной и тарелки с густым, ярким овощным супом, ринулись к нему стаей голодных щенков.

– Меня зовут тетушка Алима, и сегодня, ради знакомства, я обед подаю вам сама, – решительно объявила кухарка, вкатывая в комнату двухъярусную коляску, – а к ужину присылайте двоих дежурных. Да заранее, за час, не меньше.

– А можно вопрос? – тотчас отозвался Шет, – добавку супа тут дают?

– Тем, кто съест второе, чай с пирогами и попросит супа – налью хоть три добавки, – мгновенно отбила замаскированный укол опытная повариха, лет двадцать проработавшая в северной школе магов, откуда я ее сманил.

И мне остается лишь подтвердить кивком ее слова. Потому что сегодня у нас на второе мятая картошка с жареным луком, гуси, запеченные с яблоками и черносливом и малосольные овощи из подвалов замка Монтаеззи.

– А на второе... – начал Шет и смолк, заворожённо глядя, как кухарка осторожно ставит на стол первое блюдо с кар-

тошкой, обложенной весомыми кусками румяной гусятины и посыпанной зеленью. За ним следует еще три таких блюда, вазочки и обливные мисочки с овощами и серебряные соусники, вогнавшие в задумчивость некоторых учеников.

Все ясно, обойтись без учителя этикета и манер никак не получится. Я сам, изображая то бродягу, то лорда, иногда забываюсь, а что говорить про мальчишек, пришедших на отбор из деревень и небольших городов?

Насколько я помню, среди моих учеников только трое могут похвастать знатными корнями, но не недостатком. Как ни печально, но это уже известный мне факт, хорошо обеспеченные потомки знатных родов почти никогда не проявляют желания стать королевскими очами.

Точнее, от прав очей судить и карать они не отказались бы, и иногда пользовались с большим удовольствием. Но вот несколько лет упорно учиться перед этим судить справедливо и непредвзято и свято соблюдать закон – дураков нет.

– Ну, чай пить будете сейчас, или через часок? – с добродушной усмешкой спрашивает учеников кухарка, когда они, так и не доев очередного куска гусятины, обнаружили что у кресел мягкие спинки и удобные подлокотники.

– Позже, – за всех ответила Лин, – сейчас они прикидывают, сколько добавок супа смогут съесть.

– Вечером дежуришь на кухне, – тотчас огрызнулся Шет.

– А с чего это ты тут командуешь? – сердито прищурилась девчонка.

– Пусть командует, раз взялся, – успокаиваю соседку, – я еще не успел сказать, что вам нужен старшина, и всем придется по пять дней исполнять эту должность, чтобы испытать себя. Ну а дежурить девушки будут с самыми сильными из братьев, поэтому через два часа пойдем проверять тренировочную площадку. Сразу после обеда туда ходить запрещено.

– Тогда вечером со мной дежурит Шет, – мгновенно сообразила Лин, – старшина ведь должен знать, что там нужно делать.

– Резонно, – похвалил я ее, поднимаясь с места, – а сейчас все вместе берем грязную посуду и несем в мойку. Там и руки можно помыть от жира.

– А эта еда... – с сожалением оглядел оставшееся мясо угловатый парнишка, Мих.

Я выбрал его самым первым, поэтому знаю не только имя, но и успел заглянуть в документы. На отборе все были под номерами, которые выдавали им сразу за воротами заброшенного старинного монастыря. А туда претендентов переносили духи и кроме меня и комиссии никто не знал, где мы находимся. Для того, чтобы никто не мог помешать.

Ну а Мих, или Михаль, деревенский пастушок и полный сирота. Последние три года он жил один в щелястой хижине, кое- как перебиваясь на скудный заработок. Но постепенно выбрался бы из нищеты, осваивая все новые умения, если бы не ночной пожар. Ветер растащил огонь на целую улицу,

и пока Мих метался по горящим подворьям, помогая соседям вывести скотину, его собственная хижина сгорела дотла, вместе со всеми немудрёными вещами и надеждами.

Никто из односельчан не взял парнишку на постой, и без того тесно стало от погорельцев. Староста посоветовал устроиться в соседнем городке, нацарапал бумажку, отсыпал медяков и выдал узелок с собранной по миру одежкой.

Мих и пошел, а куда деваться?

Но в городке ему неожиданно повезло. Начальник канцелярии, ломавший голову, в поисках, кого бы отправить на объявленный королем отбор, обрадовался Миху как родному. Вмиг собрал все необходимые рекомендации, сделал новые документы и передел пастушка в почти новые вещи собственного племянника. И через несколько дней парнишка стоял сначала пред хмурым магом, водившим вокруг него какими-то кольцами и браслетами, а потом за воротами мрачного старинного монастыря, в толпе таких же растерянных подростков.

И все яснее понимал одно, если он не хочет вернуться в городок и разочаровать доброго чиновника, нужно победить в непонятных пока поединках. Или заданиях, как тут говорили.

– Все, что можно есть, – спокойно ответил я притихшим ученикам, – Алима ставит в красный шкаф, там продукты защищены магией и не портятся. Рядом жёлтый шкаф, в нем сладости и печенье. В зеленом – фрукты. Ну а в белом, со-

ответственно, все что должно храниться в холоде. И все это можно брать, когда захочешь. А правило только одно, есть нужно за столом. Не таскать в свою комнату, не устраивать склады под кроватью, не кидаться хлебом из окна. Еда – не игрушка, об этом нужно помнить.

– И где эти волшебные шкафы? – прервала молчание Нель.

– В буфетной, рядом с мойкой, – каверзно усмехнулся я, – но сейчас она заперта. Это условие Алимы, один час после завтрака и обеда и по два до обеда и ужина держать буфет запертым, чтобы ей не приходилось зря тратить силы на приготовление супов, пока все жуют пряники.

Ученики притихли, и так, в полном молчании, мы отнесли посуду в мойку, полюбовались на дверь буфетной и направились в сторону лекционного зала, где я собирался объяснить воспитанникам остальные правила совместного существования.

Сигнал от привратника настиг меня в дверях, и пришлось, скрепя сердце, доставать переговорный амулет.

– В чем дело?

Ученики застыли соляными столбами, таким тоном я с ними не разговаривал.

– Приехала графиня Горьез, – чуть растерянно забормотал старина Фирн, взятый мной на время из собственного замка, – кричит, что вы обманом увезли опекаемого ею сироту.

– Как его зовут?

Несколько секунд, потребовавшихся Фирну на выяснение этой детали дали мне возможность обдумать неожиданный удар изобретательной судьбы и наметить план. Хотя основное я знал изначально: с той минуты, как назвал этих ребят своими учениками, они под моей защитой, и никому не удастся их отнять.

– Кто из вас Таларион Горьез? – вопросительно гляжу на воспитанников, услышав ответ привратника.

И неожиданно для себя замечаю, как стремительно, почти мгновенно, бледнеет стоящий рядом Ларик. Но ведь не может же быть? Не носят наследные графы дешевых, потертых штанов, едва достающих до щиколоток.

– Это я, – опровергая мои сомнения безнадежно буркнул парнишка и повернулся к выходу, – пойду, переоденусь.

– Зачем?

– Ну ты же отдашь меня мачехе...

– Зачем? – с нажимом повторяю я, и тишина, и до того момента не нарушаемая даже вздохами, становится прямо-таки осязаемой.

– Иначе она никому тут житья не даст, – обреченно махнув рукой, парень двинулся дальше.

– Ларик... – окликаю пока негромко, но в груди уже закипает гнев.

Не на него, разумеется, за что сердиться на этого и без того несчастного подростка. А на женщину, сумевшую отра-

вить жизнь доверенному ей ребенку настолько, что он бежал из родного дома.

– Тал, – поправил он и на миг оглянулся, – спасибо, но я все понимаю...

– Ничего ты пока не понимаешь, – яростно рявкнул я, – но мне и объяснить не трудно. Занимайте столы, но постарайтесь сразу выбирать какой больше нравится.

Ученики послушно повернулись к лекционному залу, разглядывая необычное помещение. Смотрел и я, стараясь представить, что впервые вижу кафедру учителя, стоящую справа от входа и полукружью ярусов, полого поднимающихся от нее. Их три и каждый ровно на локоть выше предыдущего, мне хотелось, рассказывая, видеть лица всех учеников. Поэтому и небольшие столы, рассчитанные на одного, стоят не шеренгами а вразброс и ни один не придвинут к другому. И даже если кому-то захочется сдвинуть – сделать это невозможно, все намертво прикручены к полу. Ну и ради удобства, все чем-то отличаются. Цветом, отделкой, формой столешницы, абажуром настольной лампы или подставкой для книг.

Минут пять ученики суетились, пробуя удобство столов и мягкость стульев, менялись местами и постепенно стихли, найдя место по своему вкусу. Это не сложно, столов более двадцати, и не случайно. Человек должен твердо знать, что у него всегда есть возможность выбора.

– Нас там ждут... – обречённо напоминает Тал, и звуча-

щая в его голосе безнадежность бьёт меня хлеще, чем кнутом.

– Выбери себе стол, – мягко советую юному графу, – и не спеши, тебе за ним три года сидеть. А гости никуда не денутся.

Спорить, озадаченный моим советом парнишка не решается, и усаживается за ближайший свободный стол. Но хотя выбирает почти не глядя, все же проходит мимо светло-розового, с изящной резьбой, типично женского стола. И это радует, поскольку свидетельствует о сложившемся вкусе и твердости принципов.

– Все устроились? – спрашиваю учеников, стукнув для проверки по висящему перед кафедрой колокольчику, – тогда выслушайте короткую информацию. Главное, что необходимо помнить всегда, эта школа ничего общего не имеет с обычными. Там просто учат читать и считать... ну и разным наукам. А здесь вы будете учиться понимать людей, распознавать затаившихся негодяев, замечать обиженных и обделенных. А потом обо всем этом докладывать королю, так как станете его дополнительными глазами и ушами. И именно по его приказу создана эта школа и шел отбор способных подростков. Я не говорю вам ничего нового, все это слышали и знают, но никто не догадывается, что с той минуты, как я привел вас в этот дом, все вы зачислены на королевскую службу и имеете особые привилегии. Одна из них – неприкосновенность. Никто, кроме короля, не имеет права вас су-

дить или наказывать, никто не имеет права на вашу свободу и ваше имущество. Но и это не все. На время вашей учебы король передал мне право действовать от его имени. И поэтому никто не сможет никого из вас отсюда забрать, так как сам я никого отдавать не намерен.

– А если начнет шантажировать или угрожать? – сидящая в первом ряду Лин смотрит настороженно и чуть недоверчиво.

– Мне? – даже поперхнулся я, – хотелось бы посмотреть на дурака. Давненько я таких не видел.

– Вон одна сидит у ворот, – с ненавистью выдохнул немного приободрившийся Тал.

– Ну и давайте посмотрим на нее вместе... – подумав, предлагаю им неожиданно даже для себя.

А что я теряю? Или женских оскорблений испугаюсь? А так – послужит наглядным пособием.

– Если, Тал, конечно, не против. – добавляю, заметив тень на лице парня, – все таки это его личная жизнь.

– Я-то не против, – отмахнулся он, – но не хочется портить всем настроение...

– Мне не испортит, – тотчас отозвалась Лин, и ее готовность к неприятностям тяжестью легла в мою душу.

Хотя я и сразу понимал, что Сард не стал бы прятать у меня обласканную судьбой девчонку, но надеялся, что не настолько колючую и настороженную.

– Мне тоже, – дерзко вздернув нос бросил рыжекудрый

молчаливый парень.

– Ну, тогда идем, – шагнул я к двери, втайне опасаясь, что кроме этой троицы, желающих посмотреть на мачеху не будет.

Но они пошли все. И хотя я понимал, что последние плетутся просто за компанию, или из опасения остаться в неведении, но так хотелось верить в зарождение общности интересов.

– Сейчас я открою вам потайную комнатку, – объявляю подопечным, дойдя до массивной двери, одной из двух, ведущих на проходную.

Здание, встроенное в высокую каменную стену рядом с воротами, не имеет со стороны двора ни одного окна, и это сделано специально. На совершенно невероятный случай нападения на школу.

Изнутри строение делит поперек глухая стена, и потому каждая его часть имеет собственный вход.

Привратник живет и работает в той половине, которая примыкает к воротам, и его крылечко расположено возле них.

Дверь во вторую часть находится поблизости от противоположного угла, и конечно, тоже не случайно. В этом помещении я сделал кабинет, где намереваюсь принимать посетителей. И на всякий случай устроил позади кабинета потайное помещение для наблюдателей. Его идею я взял у шладбернцев, и надеюсь, старался не зря.

– Тайная комнатка невелика, – объясняю ученикам, распахнув ведущую в небольшой коридор входную дверь, – но если немного потеснитесь, уместитесь все. Тал пойдет последним, возможно, он мне понадобится. В стену вставлены смотровые оконца из особого затемненного стекла, вас через него никто не заметит. Но запомните одну важную вещь, сидеть нужно тихо. Нельзя ни разговаривать, ни стучать, ничего. Все поняли?

– Да, – нетерпеливо кивает Шет, – мы же не дураки.

Очень на это надеюсь, вздыхаю втихомолку, открывая перед ними дверцу в узкую, всего три локтя в ширину, зато длинную комнатку для наблюдателей. В ней нет никакой мебели, лишь простая скамья вдоль наружной стены. Нет здесь и ламп или свечей, зато на внутренней перегородке слабо светится орнамент из прозрачного сероватого стекла. Несколько десятков довольно крупных квадратиков и кружков позволяют видеть не только мой кабинет. Попадающего через них света хватает, чтобы рассмотреть устилающие пол и скамью кошмы.

– Чтоб не топали, – со знанием дела шепнул кто-то и тотчас смолк, остановленный сердитым шипением соседей.

Со стороны кабинета стеклянные вставки кажутся частью мозаичной картины, украшающей довольно просторное, но скромно обставленное помещение. Скамья, привинченная к стене под выходящими на дорогу зарешеченными окнами, напротив неказистый тяжелый письменный стол и возле него

такой же неподъемный дубовый стул, вот и вся мебель. И дверей всего две, со стороны коридорчика, откуда вошел я, и обитая железом входная, для посетителей. Она открывается только из соседней с моим кабинетом дежурки привратника. Сам он сюда войти тоже не может, следит через зарешеченное оконце, если я сочту это нужным.

Строя эту проходную, я не сомневался, что посетители станут приходить с разными намерениями, и отнюдь не все будут добрыми. Вот и постарался понадежнее защитить всех непричастных.

– Впускай, – сев за стол, приказываю Фирну, и начинаю неторопливо доставать из ящиков заготовленные заранее писчие принадлежности, бланки протоколов, шкатулку с кристаллом, прикованную к ножке стола крепкой цепью.

Редко какой преступник может удержаться и не попробовать разбить или украсть кристалл правды. Хотя догадываются, что у правосудия он вовсе не один. Но попробовать так заманчиво! Вот и приходится держать кристаллы на привязи, как злобных собак, хотя я например, давно уже научился определять с первого взгляда, лгут собеседники или нет.

– Где мой сын? – едва шагнув за порог, гневно осведомилась стройная, модно одетая дама.

Венчающая ее наряд траурная шляпка с черной вуалью выглядит нелепо и вызывающе, но я стараюсь пока этого не замечать.

– Имя, звание, – невозмутимо произношу в ответ, начи-

ная заполнять протокол.

– Граф Таларион Горьез, он здесь, не отпирайтесь! – голос посетительницы полон яда и презрения.

– Ваше имя и звание, – так же равнодушно продолжаю заполнять стандартный документ.

– Графиня Гилесса Горьез, – недовольно цедит она, – так где мой сын? Немедленно приведите его сюда.

– Ваш личный знак, – не обращая внимания на ее слова, требую я.

– Зачем? – от злобы дама почти рычит, – и по какому праву?

– По праву королевского ока, – просвещаю ее холодно, – Чтобы проверить вашу личность. Мало ли кто может явиться и назваться графиней.

– У меня нет его с собой... я так спешила, что забыла надеть.

– Вы лжете, – заявляю я, указывая на разгорающийся алым сиянием кристалл, – у вас нет знака. И значит вы не графиня, и Таларион Горьез не может быть вашим сыном.

– Мой муж просто не успел... но это ничего не значит! Я опекун Талиона и не отпускала его ни на какие отборы! Он удрал без разрешения и должен вернуться в поместье! Нечего ему делать в этом приюте для нищих!

– Снова ложь, оскорбление королевского училища, и его учеников. – диктую вслух, записывая в протокол слова вдовы, – Вы все сказали?

– Зачем вы это пишете? – только теперь задалась она законным вопросом.

– Так положено, стандартная процедура при дознании. Теперь осталось подписать и вынести приговор. Оскорбление короля, королевских очей, ложь верховному судье... издевательство над опекаемым... так, так... двадцать пять лет в одиночной камере Дареслайт. Приговор вступает в силу немедленно.

– Что? – неверяще уставилась на меня вдова, – в камеру? Меня? Ну давайте, отправляйте. Только не забудьте, если я сейчас не выйду отсюда с этим беглым щенком, его милый братик сдохнет от голода в подвале известного только мне дома.

Ложь, – доложил кристалл, но я и сам это услышал и не собирался верить в ее шантаж. Однако и незнакомого мне братишку ученика оставлять без помощи тоже не хотел. Жаль этого не знал Тал, принявшийся яростно стучать в стенку и кричать:

– Выпусти меня, Грег... я не хочу тут оставаться, слышишь?

Губы вдовы растянулись в злобной победной усмешке. Похоже, преступница еще не осознала, что королевские очи никогда не шутят с преступниками. И на их шантаж тоже никогда не поддаются.

– Сейчас, – отозвался я, скрывая досаду.

Тал все-таки не выдержал, сдался, но иного и ждать не

стоило. Затурканному лживой интриганкой подростку трудно отличить ложь от правды, особенно если он знает, на какие гадости способна его мачеха.

Хотя и очень хотелось, чтобы он все же больше верил мне. Похоже, рановато я на это надеялся, ну так всё у нас впереди.

– Духи, – зову мысленно, сжимая в ладони сухой кусочек корня, выданный мне когда-то древними для связи.

Он и до сих пор работает безукоризненно, тихий шелестящий голосок древня раздался над ухом почти в тот же миг.

– Мы здесь.

– Свяжите ее и заберите все опасное и ценное. И прочие вещи, не положенные узникам.

Обыск преступников – самая неприятная из моих обязанностей, и если рядом работают дознаватели, я с величайшим удовольствием предоставляю им это право. Ну а когда их нет – приходится надевать защитные перчатки и самому обшаривать потайные карманы и прощупывать швы.

Все изменилось несколько лет назад, когда я едва не отравился вместе с преступником, нечаянно сломав капсулу с ядовитым эфиром. Нас спасли наблюдавшие за мной духи и робко предложили помощь в таких опасных делах. С тех пор они обыскивают всех приговоренных и подозреваемых, и делают это намного быстрее и аккуратнее самых умелых тюремщиков.

В ведущую из коридора дверь нетерпеливо стукнули и пришлось открывать.

– Грег... извини... – с болью прошептал слегка помятый и растрепанный парнишка и потрясенно смолк, рассмотрев мачеху.

Зрелище и на самом деле необычное. Бывшая хозяйка богатого поместья стоит неподвижной статуей, спелёнатая гибкими зелеными плетями, и испуганно таращит глаза на качающийся перед ее лицом бутон, размером с мужской кулак. А по ее карманам, оборкам, прическе споро снуют чьи-то ловкие ручки, собирающие все ценные, магические и алхимические предметы и снадобья.

В широком туеске, сплетенном из ржаной соломы, неумолимым подтверждением моих смутных предположений, растет кучка вещиц, совершенно не нужных порядочным дамам. Подозрительные флакончики, амулеты южных ведьм и набор отмычек в плотном кожаном футляре.

– Остальное не опасно, – шуршит древень, ставя туесок передо мной. – перенести ее?

– Чуть позже, у меня еще один вопрос, – сунув Тала в свое кресло, останавливаюсь перед приговоренной, – вы снова солгали, но это уже не имеет значения. Ни одно королевское око не выносит приговоров в шутку и не отменяет ради сделки с преступниками. Но, один шанс у вас все же остался. Нет, не на свободу, даже не надейтесь. Возможно вы слышали, что камеры в тюрьмах разные. Бывают сырые, холодные, с мокрицами и плесенью. Бывают любимые крысами или ящерицами. Со сквозняками, без печей или окон. А бывают и бо-

лее удобные, перестроенные когда-то для важного лица, не сумевшего ценить свободу. С деревянными панелями и полом, с печью и застеклённым окном. И с мягкой кроватью, а не каменной скамьей. Но у этого есть цена... мальчишка, который для вас уже абсолютно бесполезен. Хотя... и сам найду его.

Я сделал вид, что собираюсь отвернуться и она не выдержала, дёрнулась, забила в путах.

– Нет... то есть да, я согласна... чтобы постель и печь... и еда... не помои. Он недалеко... в карете. В багажном ящике, но мой спутник вам не отдаст. Нужно, чтобы я сказала... отпустите на пять минут, я вернусь, честное слово.

– Снова врет, – авторитетно заявила Лин, и оглянувшись, я с изумлением обнаруживаю, что все ученики уже тут.

Ходят по кабинету, рассматривают бумаги, заглядывают в оконце к Финчу.

– И кристалл порозовел, – подтвердил Шет. – Может стукнуть ее как следует?

– Обойдемся без мордобоя, – отказываюсь, давая духам задание проверить багажный ящик. – Только ничего не трогайте руками.

– Мы же не дети... – начала Нель, и вдруг резко хлопнула Миха по руке, – куда лапы тянешь, ребеночек?

– Я не трогать... плетение посмотреть, очень необычное. – виновато забормотал мальчишка, – я разные умею, но такого не встречал...

Развить тему плетения соломы он не успел, рядом со мной закрутился зеленый смерч, опустивший на пол обмотанного веревками паренька. Затем смерч метнулся к остолбеневшей преступнице, замотал ее в густую зелень тумана и исчез, оставив после себя свежее дуновение весеннего ветра.

Глава третья

Мельком глянув в окно, на резко рванувшую прочь карету, я усмехнулся и, оттеснив Тала, подхватил мальчишку на руки.

– Все в дом.

На этот раз они двигались за мной дружной гурьбой, не отставая ни на шаг, хотя шел я очень быстро. Духи успели шепнуть, что пленник мачехи жив и относительно цел. Кости не переломаны, ран нет, кроме рубцов от плетки и синяков. Зато связан уже почти сутки и его ни разу не кормили и не поили. Ну и разумеется, гулять не водили. Но последнюю задачу древни решили сами, оставив мне все остальные.

Вот эту их деликатность я ценил более всего, ведь они могли вернуть пленника чуть позже, зато бодрым и здоровым. И ученики считали бы, что вся работа ока сводится к выдаче духам ценных указаний, а это абсолютно неверно.

– Ох, всеслышащий, и где вы его нашли? – охнула встречавшая нас на пороге Алима, но я только отмахнулся.

– Потом. Чай ему сделай, сладкий и с молоком. Какая комната свободна?

Это я спрашивал уже у учеников.

– Рядом со мной, – мигом откликнулся рыжий молчун и сообразительно добавил, – по левую сторону, возле окна. А я – Клен.

– Ясно, – киваю ему мимоходом, – Тал со мной, остальные свободны.

В комнате, не останавливаясь, тащу парнишку в умывальню и опускаю в лохань. Первым делом, крутнув краны, пускаю теплую воду, затем, выхватив дротик, один из трех, хранящихся в неизменно пристегнутых к поясу ножнах, начинаю срезать узлы.

– Может, я помогу? – неуверенно спрашивает придерживающий тело брата Тал.

– Поможешь, когда нужно будет его мыть и переодевать. А к моему оружию постарайся никогда не прикасаться, очень острое.

Справились мы довольно быстро, из одежды на мальчишке были только штаны. Мы тоже не стали его мучить, просто набросили просторный ночной балахон. А когда уложили парня в постель он неожиданно пришел в себя.

– Тал? – спросил хрипло, увидев рядом брата и тот мгновенно протянул ему чай.

– Пей. Потом все расскажешь. А сначала сам скажу... прости, Грег, но я солгал. Он мне не брат. Точнее, не родной, а молочный, его матушка моя кормилица. Но мы всю жизнь вместе... моя мать даже комнату Ларику выделила рядом с моей. И учили нас вместе и одежду шили одинаковую. А матушка Митея стала домоправительницей... и все было хорошо. А потом матери не стало... и появилась гадина. Пока отец был жив, она только шипела исподтишка, а когда и он

меня оставил... стало невозможно жить. Меня она не могла наказывать... я единственный наследник. А про опекунство она всем врет, на самом деле опекуном назначен мой дядя. Так отец велел в завещании. Но сам дядя ничего не знает, он уехал... куда-то на жемчужные острова, и уже второй год никаких вестей. А мачехе никакого наследства отец не оставил и в поместье она может жить только до моего первого совершеннолетия, это через полгода. Или до возвращения дяди. Поэтому пакости она делала всем, кто ко мне хорошо относился. Выгнала из дома Ларика и отобрала всю хорошую одежду, рассчитала матушку Митею, назначила управляющим своего дружка.

– Ей деньги нужны были, – понемногу начал оживать допивший чай Ларик, – поместье ведь не продашь. Оно родовое.

– Придумала способ... – горько усмехнулся Тал, – простой, как медный квадратик. Ганжес привез племянницу, и она вешается на меня без всякого стыда. А гадина всем рассказывает, какая у нас любовь, и что сразу после первого совершеннолетия я намерен жениться. Вот и сбежал... а Ларик помогал. Пока я в его одежде трясся в телеге, каждый день ездившей за свежим мясом, он валялся в моей кровати, изображая скуку. А потом должен был сбежать через окно... но кто-то выдал.

– Я все равно ушел... и записался на отбор, чтобы быть рядом с Талом, – виновато пояснил Ларик, – но пришлось

взять его имя и амулет. Все вроде получилось...

— Да, — кивнул я, уже вспомнив этого кандидата.

Он на самом деле постоянно уверенно оказывался среди лучших, лишь немного не дотягивая. Но только теперь я вдруг заподозрил истину, Ларик нарочно отставал, чтобы дать шанс брату попасть в школу.

А в последний день мальчишка не появился... как теперь ясно, это вдова его наконец поймала. А Клара поспешила воспользоваться дружбой со мной, чтобы спрятать настоящего Тала в школе... и значит, прекрасно обо всем знала. И о планах вдовы, и о ее издевательствах и даже о том, что несовершеннолетний парнишка в плену у жестокой и лживой гадины.

Но не сказала мне ни слова... почему? Понимала, что я брошу ко всем лешим эту школу и помчусь спасать Ларика? Или расставила сеть на более крупную рыбу, и не хотела менять планы ради дворового мальчишки? А возможно... впрочем, может быть какая угодно причина, не это важно.

Главное, все мы спокойно спали в мягких постелях, а избитый и связанный Ларик валялся где-то в подвале или хлеву и никто не пришел ему на помощь. И от этого, заставляя намертво стискивать кулаки и зубы, все отчётливее разгоралось желание как следует наказать всех, кто остался равнодушным к чужой беде.

— Грег... — прервал мои мысли робкий голос Тала, — можно ему тут пожить? Он будет спать со мной в одной комна-

те...

– Я все умею, – вторил ему Ларик, – и дрова рубить и печи чистить. И за садом, и дорожки подмести...

– Не надо... – сорвался с моих губ возмущённый рык, – печи чистить. И дрова рубить и все остальное. Нужно учиться... много и упорно, чтобы стать хорошим королевским оком. Хочешь?

– Конечно... – не раздумывая, кивнул парнишка и его глаза заблестели. Однако в его душе еще жили сомнения и он осторожно осведомился, – но я же не прошел отбор?

– Я за тобой следил, и собирался внести в список, но ты пропал. Тогда я подумал что разочаровался... бывает. А теперь понимаю, тебе помешали и значит не поздно все исправить. Я ухожу, Тал покажет тебе где форма, надевай и приходите в буфетную. Пора пить чай.

– Я думала... – встретил меня в коридоре откровенный взгляд Лин, – ты наказал ее слишком жестоко... а теперь понимаю, что наоборот, маловато. Извини.

И остальные ученики дружно кивают, согласные с ее словами. Они никуда не ушли, и судя по осведомленности, подслушивали через неплотно прикрытую дверь. Но ругать их за это я не собираюсь, ребята слушали не из простого любопытства, их вело сопереживание собрату.

– Я постараюсь научить вас, – очень серьёзно обещаю подопечным, – как узнавать под маской добропорядочных людей мелких пакостников и хитрых, безжалостных преступ-

ников, как разгадывать их незаконные намерения и планы и успевать поймать негодяев в ловушки прежде, чем они совершат злодеяние. Но не надейтесь, что это будет легко или быстро. А сейчас идем в буфетную, нам всем положена награда за спасение Ларика. Насколько я помню, в белом шкафу хранится огромный торт из мороженого разных сортов, с вафлями, орехами, ягодами и шоколадом.

От чаепития я отвертелся.

«Вспомнил», что должен срочно отправить протокол и сбежал в свою спальню, заодно служившую и кабинетом и канцелярией. Все равно не собирался в ней ни спать, ни долго сидеть.

– Духи, отнесите домой, – запирая за собой дверь, прошу древней и стремительный зеленый смерч тотчас утаскивает меня в замок.

Чтобы оставить в небольшой уютной гостиной второго этажа. Именно здесь любит сидеть Зия, ведь на балконе установлен порталный амулет. Когда приходят гости, из этой комнаты раздается звон и эхом разносится по всем этажам. Прежде я тоже всегда возвращался сюда, но теперь духи приносят меня туда, где находится в этот момент Зия.

Но она все равно, по привычке ждет именно здесь. Вот и сейчас, распахнув во всю ширь балконные двери, стоит у перил, вглядываясь куда-то вдаль.

Все ясно, куда. В той стороне моя школа, но из Монтаеззи можно рассмотреть только желтое пятнышко крыши. И то,

если взобраться на голубятню.

– Ну и как? – спрашиваю шутливо, шагнув поближе.

– Ох, Грег! Как ты вовремя! Я уже так пожалела, что не взяла вестников.

– Сначала мы уйдем в дом, – ворчу я, подхватывая ее на руки.

Раз гостей нет, значит можно. А их не будет еще декаду и эта мысль начинает мне нравиться, представ с новой стороны.

– Потом закроем дверь, еще не лето. Теперь сядем и я тебя поцелую...

– Грег! – возмутилась внимательно слушавшая меня жена, – ты все шутишь! А я говорю серьезно! К нам никто не может попасть!

– И всего-то? – а быстро они, однако, спохватились.

Я думал, раньше, чем к завтрашнему вечеру, никто обо мне и не вспомнит.

– Ни Клара, ни Хенрик... – жалуется Зия и тихо добавляет, – я переживаю за Дорика...

– А что с ним? – неподдельно изумился я, не зная такой ситуации, из-за которой нужно будет волноваться за Доральда.

Старшему сыну летом исполнится девятнадцать, и он не уступает мне ни в росте, ни в ширине плеч. При этом Дорик сильный маг-природник. Этим летом он заканчивает южную школу и на него уже строят планы и ковен и король.

Но вовсе не это дает мне уверенность в его безопасности, а особая способность, о которой знаем только мы трое и свято храним эту тайну от всех посторонних.

Даже от Хенрика, Клары и моих коллег. Поскольку пока не можем представить, как захотят воспользоваться ею имеющие власть люди.

А началось все в один прекрасный весенний день. Ортензия гуляла с трехлетним сыном возле пруда, вернее, гулял неугомонный Дорик. А Зия, сидя на палубе шлюпа в плетеном кресле, спокойно вязала, зная что древни, высыпавшие на берег погреться на весеннем солнышке, присмотрят за шустрым наследником лучше взвода нянек.

И тем не менее, каждые пять минут отрывалась от рукоделия, и искала взором малыша, чтобы убедиться в его сохранности. Но найдя сына в очередной раз, онемела от неожиданности. Присев на корточки перед призрачным кустиком, Дорик нежно обнимал и гладил притихших духов. Всех подряд, и ни один не прятался и не убегал.

– Матушка, – важно сообщил малыш, когда к ним примчалась опомнившаяся Зия, – я нашел деток. Они уже поспели, а штаников нет. Свяжи им штаники, а я их пока погрею.

И принялся снова обнимать и прижимать к себе древней. Когда в сад примчался я, вызванный сигналом тревожного амулета, выданного Зие на всякий случай, Дорик сидел на пышном моховом стожке облепленный со всех сторон древ-

нями, как туюсок с медом – пчелами. И что-то нежно шептал им, укутывая в принесенные Ортензией со шлюпа полотенца.

– Что происходит, духи? – немедленно приступил я к вопросам, но вместо ответа древни открыли зелёный путь, перенесший нас с женой в полутемный подвал.

Хотя, несмотря на сумрак, мрачным он не казался. Пол покрывали пышные волны мха, с потолка и стен свисали слабо светящиеся цветущими кистями гирлянды а в центре, вольготно раскинув листья, нежно сиял огромный, сказочно прекрасный цветок.

Мать жизни, так звали древни свою родительницу и повелительницу, хранившую знания и заветы давно ушедшего народа.

– Приветствую тебя, мать жизни, – склонил я голову перед цветком, размером с мой письменный стол. – Древни привели нас...

– По моему указанию. Я хочу сказать про вашего сына... у него сегодня внезапно проснулся дар природного мага. Ничего странного или плохого в этом нет, просто древни не ожидали, что ребенок вдруг их увидит и спрятаться не успел. А он, заметив духов, пожалел их и полюбил. Так, всем сердцем, беззаветно и бескорыстно любят несчастных, беспризорных котят и щенят только дети с открытой, доброй душой. Так любили нас только эльфы, им ничего не было от нас нужно, они и сами все могли. И просто делились теплом

души. Вот древни и не устояли... каждому захотелось получить хоть кроху этого тепла. Не вините их за это. Никакого вреда Доральду это не причинит. Даже наоборот, он делится не только эмоциями но и энергией а это постепенно увеличивает его резерв.

Про резерв я к тому времени уже кое-что знал, поэтому поверил каждому слову цветка. Впрочем, как и всегда, поскольку он никогда не лгал. Просто не умел и не желал учиться, как убедились постепенно все вокруг.

Ну а Дор, даже повзрослев, ни на гран не изменил своего отношения к духам, став единственным человеком, которому они открывали все секреты и помогали в любых делах.

– Ему вчера выдали знак мага, – огорченно вздохнула жена, пряча виноватый взгляд. – Дор просил не говорить тебе заранее, чтобы не отвлекать от школы. Он хотел прийти сегодня, отпраздновать... и друзей позвать. Но до сих пор нету.

– Подожди... давай по порядку... с какой стати ему уже выдали знак, если испытания мастерства только через три декады?

– Он же в этом выпуске лучший... – с сочувствием смотрит на меня Зия, – таким по традиции не устраивают никаких испытания, все и так знают его возможности.

– Ясно... а духов ты спрашивала, где он?

– Да... куда-то ушел... – внезапно всхлипнула жена.

– Духи... – как можно мягче прошу я, и сам содрогаюсь от рвущегося с губ рыка.

– Не волнуйся так, Грег, – участливо заглядывают мне в глаза зеленые пройдохи, – с ним все в порядке. Дорик уже идет сюда.

Именно так, Дорик, ласково зовут сына все древни и этого уже не изменить.

– Привет, отец, – на миг сдавив мне ладонь крепким пожатием, рослый парень отбирает мою любимую жену и нежно целует ей запястье, – ну чего ты так всполошилась, матушка? Сюда никого не пустили... пришлось идти в шладбернское имение. Не звать же мне гостей в харчевню?

– Так ты их бросил? – несложно догадаться, что так быстро отпраздновать окончание школы просто невозможно.

– Им и без меня сейчас весело, – отмахнулся Дор, вернул мне жену и плюхнулся в кресло напротив, – а ничего холодненького попить нет?

На столе, словно по волшебству, возникли бокалы и пять графинов с напитками на все вкусы. Разумеется, мне известно, что все это духи просто притащили из буфета, но их неусыпное внимание к словам сына все равно поражает.

– Так почему ты закрыл замок? – махом выпив бокал земляничного лимонада, требовательно уставился на меня Доральд. – древни мне, конечно намекнули, что есть причины, но если можно поподробнее...

– Нужно, – уверенно кивнул я, – потому и пришел, чтобы предупредить. Вокруг меня в последнее время идет какая-то крысиная возня... и сам сначала ничего не понял. И даже

внимания не обратил на некоторые странности... если можно их так назвать. К примеру, зачем Кларе понадобилось так срочно связать мне руки учениками? Не раньше, не позже... у меня, между прочим, дети подрастают, я хотел с ними почаще видаться. Что изменилось бы, если эту школу я устроил лет через пять? Но она настояла, прямо-таки вынудила согласиться. И тут же подсунула ученика, которого я брать не собирался. Хотя он шел в числе первой пятерки, но тогда справедливо было взять и их, а у меня уже было выбрано одиннадцать лучших. Еще сегодня случайно выяснилось, что Джус отлично осведомлен о том, сколько среди моих учеников девушек, хотя этого даже Зия еще не знает. А потом в школу вдруг прикатила наглая дама с требованием вернуть того самого ученика и у меня вдруг начала складываться довольно логичная картина творящихся за моей спиной дел. И она мне не нравится. Очень. Даже скажу больше, так сильно происходящее настораживало меня лишь однажды, когда король исчез вместе с самыми сильными магами и толпой элитных воинов. Но и в тот раз у меня не было ощущения подвоха... точнее, грязной интриги, которую от меня упорно скрывают. В случае с королем я знал, что есть приказ никуда не выпускать очей, но понимал, что это желание уберечь. А сейчас мои прежние союзники всеми силами стараются кого-то от меня загородить... или скрыть какое-то происшествие, а возможно, операцию. Ковена или сыскарей... сказать точнее я пока не могу. Но и позволять собой и дальше

манипулировать, как куклой на веревочках, тоже не желаю.

– А о каких еще странностях ты говорил? – таким серьезным я Дора давно уже не видел, а может, и вообще никогда. – Расскажешь, если можно?

– Можно, только коротко, мне надо лекаря искать.

– Зачем?

– Еще одного ученика сегодня взял... всего избитого и с исхлѣстанной спиной.

– А первый выпускник южной школы не подойдет? – вроде шутливо осведомился сын, но в его взгляде мелькнула непонятная тоска.

– Дорик, да это самый прекрасный вариант из всех возможных! – искренно выдохнул я, интуитивно угадав правильный ответ, – но разве тебе не хочется в королевский дворец... или ковен? Там весело, балы...

– А я уже принял твое предложение, – заявил повеселевший сын, – Посвящай в подробности и пойдем лечить побитого. Он хоть лежит в постели?

– Нет, – признаюсь почти виновато, – мы его помыли, переодели и теперь кормим. Он сутки валялся связанный... даже воды гадина не давала.

– Но ты же ее наказал, милый? – кротко спрашивает Зия, добела сжимая кулачки.

– Конечно. Уже обживает камеру в Дареслайт, – успокаиваю любимую поцелуем, и коротко рассказываю о сегодняшних событиях.

Глава четвертая

По моей просьбе духи открыли путь в мою комнату.

Несколько мгновений мы стояли неподвижно, прислушиваясь к происходящему за дверью, потом Дор невозмутимо сообщил:

– Они разбрелись по дому и двору. Изучают новое жилище. Все первокурсники с этого начинают. Идем?

– Идем, – кивнул я, отлично понимая, откуда ему известно, чем заняты ученики.

Духи развели и это несомненно очень удобно. Нужно и мне меньше скромничать и почаще пользоваться их возможностями... если, конечно они не будут против.

На втором этаже и на лестнице никого нет, но со стороны буфета и кухни слышатся негромкие голоса. Ну, да, вспоминаю я, пора готовить ужин. Но, хотя мне хочется посмотреть, как дежурные справляются с работой, решительно прохожу мимо. А Дор любознательно заглядывает, и тотчас, прикрыв дверь, шагает дальше.

Ларик предсказуемо обнаружился в буфетной и Тал рядом с ним. Торты на столе уже нет, как и всего остального, только перед новеньким учеником стоит тарелка с остатками еды и он, пресыщенно в ней копаясь, что-то тихо объясняет брату.

– Ну и кто тут мой пациент? – решительно шагнул в буфетную сын, – идём со мной, я ваш целитель, Доральд. Мож-

но звать просто Дор. Где у вас лазарет?

Этот вопрос адресован мне, но у меня нет ответа. Хотя...

– По правую сторону от лестницы все комнаты пока свободны, можешь выбирать.

– Умывальня там есть?

– Да.

– Тогда около неё. И лучше придать ее лазарету, – Разворачивается в ту сторону Дорик.

– Конечно, завтра же вызову мастера. – немедленно соглашаюсь я.

Глупо спорить с логичным требованием после того, как сам всего час назад мыл израненное тело спасенного.

В комнате, выбранной Дором, почти пусто. Только диван, шкаф и стол со стульями. Это я сам, не зная заранее, для чего понадобятся свободные помещения, велел не ставить тут много мебели.

Но Дорика пока и это устраивает. Отправив Тала погулять, он накрыл диван найденной в шкафу простыней, и велел Ларику лечь.

– Да рубаху сначала сними... Стой! – резко меняет первоначальные планы юный целитель, рассмотрев, как страдальчески поморщился от боли потянувшийся к одежде ученик, – почему не сказал, что болит?

– А ты сам не знаешь? – с легким ехидством огрызнулся мальчишка, – как будто это что-то изменит.

– Не что-то, а все, – строго осадил пациента Дор, ловко

расстегивая пуговицы на его форменной рубашке. А закончив, осторожно спустил ткань с плеч парня и удрученно при- свистнул, — действительно... гадина. Я одного не пойму, как она смогла увести тебя с отбора?

— Так она не сама... — виновато покосился на меня Ларик, — парень один подошел, говорит, — «Мне для тебя срочную весточку передали. Читай, я прикрою», и сунул пакетик. И пока я читал, он держал меня за пояс и собой загораживал. А потом раздался треск... сначала я не понял... потом было поздно. Это он порталый стержень сломал.

— И где вы оказались? — интересовало меня.

В том, что Ларика увели порталом, я не сомневался. Иного пути оттуда нет. Поэтому порталые капсулы были у всех. Но только на выход. Войти, кроме претендентов и меня, могли только маги и очи, входящие в комиссию. И всех их я собираюсь проверить, но позднее.

— Дома... то есть в поместье Тала. В башне. Там ждала гадина и ее охранники. Они набросились на меня, сорвали одежду и амулеты и связали... а она схватила хлыст и начала бить. И меня и того посыльного. Орала что он идиот, привел не того, меня вообще можно бросить в болото, больше ни на что не нужен... Ну он вырвался и убежал, а я... Пришел в себя ночью, кучер поил водой и плакал. Прости, говорит, Ларик, но больше ничего не могу... гадина заперла женщин и детей в подвале и грозит наказывать их... если мы ослушаемся.

– Надо идти, – сделал вывод Дор, сосредоточенно водивший ладонями над израненной кожей пациента.

– Да, – снова согласился с ним я, завороченно следя за затягивающимися ранами от плетки. – а синяки?

– Боль и опухоль я снял, а кожа к утру посветлеет, – объяснил он, и добавил буднично, – прямо отсюда?

– Зайдем домой, это ненадолго. – я еще говорил, а зеленый путь уже нес нас, крепко сжав в пахнувших свежестью объятьях.

На этот раз духи привели нас на кухню. Зия сидела у стола, лепила какие-то плюшки и вполголоса беседовала с кухаркой. Но стоило нам появиться, насторожилась, медленно оглянулась, и, бросив недоделанную витушку, вскочила со стула.

– Что случилось?

Ну и интуиция. Даже страшно иногда становится.

– Ничего матушка, – бодро успокаивает ее сын, – мы просто пришли выпить чаю. Нигде нет таких вкусных пирогов, как дома.

– Нам нужно сходить в одно место... ненадолго, – объясняю любимой, ругая себя за недогадливость.

Нужно было еще пару дней назад унести в школу часть оружия и амулетов, чтоб не бегать сюда и не тревожить зря жену.

– Я распоряжусь... – Ортензия почти бегом возвращается на кухню, откуда мы уже успели ее увести и мне остается

лишь смириться.

Теперь нас никуда не отпустят, пока не съедим хоть по паре пирогов.

– Пойду, переоденусь пока и личину подберу, – направляясь в свой кабинет бросаю Дорику, – не хочу, чтобы заранее кто-то узнал, что вмешалось королевское око.

– Мне такая опасность не грозит, маги очами не бывают, – с наигранной беспечностью усмехнулся он, а в меня словно дротик всадили, столько откровенной горечи прозвучало в его коротком смешке.

И в душе вмиг полыхнула летним костром тлеющая много лет надежда, даже жарко стало от неожиданности. Но сразу показывать ее никак нельзя... сначала нужно проверить, не ошибаюсь ли я, принимая желаемое за истинное.

– Просто не хотят, – говорю с огорченным вздохом, не желая случайно спугнуть или оттолкнуть несмелое признание.

– Но ведь есть правило... – Дор моментально догнал меня, ухватил за плечо, развернул к себе и тотчас убрал руку, – отец, ты что... плачешь?

– Соринка в глаз попала, – солгал я, – а правила писались много лет назад. И обстановка в королевстве тогда была другая, магов боялись, ковену не верили... нужна была служба, которую примет народ. Станет считать своей, будет обращаться за помощью и защитой. И ковен придумал очей... но без помощи и пригляда не оставил, у каждого ока был в наставниках маг. Ну ты и сам прекрасно знаешь. А теперь маги

постепенно заработали доверие, и почтовыми пирамидками и порталными башнями и лазаретами и школами... старые правила больше не незыблемы. Но молодые маги боятся... им кажется скучной и грязной наша работа.

– Я не боюсь, – отказался Дор, и вслед за мной решительно вошел в кабинет, куда входить никому не позволялось. – но нужно же учиться?

– Чему? – изумился я, – ты знаешь все, чему учат очей, у тебя правильные принципы и взгляды, натренирована выдержка и бдительность. Я сам тебя этому учил... принял такое решение, когда ты еще только начал ходить. И чтобы ты не сомневался в этих словах, написал тебе письмо.

– И где оно? – подумав, Дорик задал тот вопрос, какой задал бы и я сам.

– Ждет в надежном месте. Вон, видишь, на стене твой детский портрет? Это потайной сейф, он уже настроен на тебя, просто прижми ладонь.

Сын, не медля и секунды, прикладывает руку, а в моем сердце триумфально поют трубы и звенят литавры.

– Это твои памятные детские вещички, – объясняю ему, с улыбкой наблюдая как Доральд крутит в пальцах крохотные башмачки, – возьми внизу синюю папку. Там под рисунками конверт.

– Никогда бы не поверил, что ты такой... романтичный, – Забрав из конверта листок бумаги, Дор смолкает и несколько минут сосредоточенно читает мое письмо.

Хотя там всего несколько строк, я очень старался, чтобы взрослый сын не счел меня занудой.

– Я, Доральд Монтаеззи Диррейт – звучит под сводами старого замка клятва королевских очей, – находясь в здравом уме и памяти по собственной воле поступаю на королевскую службу в качестве королевского ока. Наставником выбираю высшее королевское око Грега Диррейта Монтаеззи.

– Носи с честью! – Вешаю ему на шею символ королевских очей, золотую каплю в светлом овале. – Пусть древни спрячут его под кожу, а печать на ладони и сам сможешь сделать.

– Я и овал сам могу спрятать, – довольно сообщил он и резко обернулся, заслышав горестный вздох, – Матушка!

– Дождался все-таки своего... – ворчит она беззлобно, – затащил ребенка на эту каторгу. Ни праздников, ни балов, ни гостей он теперь не увидит... и на девушек тоже времени не будет.

– У отца же хватило чтобы тебя отыскать? – ничуть не унывает Дор, – вот и я найду, не переживай! Лучше давай твои пироги, бежать пора, там дети в подвале заперты.

Упоминание страдающих детей как всегда действует безотказно и вскоре зеленый туман мчит нас своими тайными путями.

– Самое близкое место где я был. Отсюда до имения Горьез всего двадцать лиг, но древни еще никогда не прокладывали туда путь. – удрученно объяснил Дорик, когда духи поставили нас в молодую травку, пробивающуюся из-под

плиток садовой дорожки. – Это дом моего друга, мы тут жили в прошлом году, когда проходили практику в приюте.

– Что это за места? – оглядываю смутно знакомые очертания вставших на горизонте гор, облитых закатным золотом.

– Низовья Гавры, – ответил Дор, – дальше поедем верхом, духи уже нашли лошадей.

А он молодец, не теряется и не ждёт. Сразу находит выход. Но у меня есть способ получше.

– Погоди минутку, – прошу напарника, торопливо черкая короткую записку, – может, удастся добраться быстрее...

– Объяснишь?

– Конечно. Я всегда ношу с собой пирамидку и капсулы переноса, если попадаю в глушь, шлю вестника на ближайшую почтовую башню. Если они ответят – то ухожу туда порталом и ищу ближайшую башню к цели похода. А Горьез богатое имение, у них должна быть порталная башня или хотя бы пирамидка.

– Я уже понял... – огорчился он, – так привык что меня носят духи, что забыл про порталы. Ты прав, так будет быстрее.

– Не огорчайся, – успокаиваю его, получив вызов башни, – помни, мы просто люди, и даже если умеем очень многое, можем что-то забыть, не учесть, не угадать. А на ошибках стараемся учиться и тогда даже они приносят пользу.

Через пять минут мы стояли у вычурной медной решётки перил, защищающих верхнюю площадку порталной башни

поместья Горьез.

А где-то очень близко, почти рядом, ругались мужчина и женщина. И голоса у них были злые и какие-то пыхтящие, словно после долгого бега.

– Бросай, дура, – ругался мужчина, – на кой леший тебе эти безделушки! Все равно ведь продать нельзя!

– Все можно... – задыхаясь, упрямо спорила женщина, – я же тебя не прошу тащить.

– Зато я твои сундуки тащу... – зло огрызнулся мускулистый мужчина, вваливаясь на площадку с лестницы, – чего ты, интересно, туда насовала, прежде они легче были...

И тут до него наконец-то дошло.

– Флюра! – взревел носильщик, швыряя багаж на пол, – ты снова за своё!

– И чего так орать, – опуская на пол висевшие у нее на шее связанные из скатертей узлы, пренебрежительно хмыкнула худенькая молодая женщина. – пришли уже.

Определять точно ее возраст я бы не взялся. Ей можно было дать и тридцать лет и двадцать пять, а при желании она вполне могла изображать и юную девчонку. Такие особо ценятся в трупках бродячих лицедеев.

– А сейчас пойдете назад, – сообщил я, показывая вытасченный из порталного амулета накопитель.

– Это еще кто такие, дядя? – охнула девица, и мгновенно надула губы, как маленькая, – прогони их, это воры.

– Боюсь... – внимательно рассматривая нас, с усмешкой

буркнул подельник вдовы, – больше я тебе не дядя. Теперь каждый сам за себя.

Хрустнула сломанная им капсула, и моя рука вмиг привычно выхватила дротик. Одно из главных правил очей – преступник не должен уйти. Но в этот раз я каким-то чудом сумел удержаться, не швырнуть в негодяя смертоносное оружие. Остановили меня две детали, еще не доказанная вина подельника и опасение ненароком задеть ринувшуюся к «дяде» девицу.

И как выяснилось, это было очень верным выбором, все равно никуда уйти негодяй не смог. Остановили его вцепившиеся в ноги гибкие корни, стремительно выскочившие из всех балок и плах. Лишь ближайший к нему сундук взвился в небо на пару секунд, но тут же рухнул назад, свалившись точно на голову «не дяди». Не успев и охнуть, невезучий беглец рухнул срубленным деревом.

– Что вы с ним... – испуганно проблеяла «племянница» и, резко отпрыгнув, бросилась к лестнице.

Чтобы тотчас, заверещав от ужаса, взлететь над ней в крепком захвате ловких корней.

– Вот вы и сознались в своих преступлениях, – сообщая ей с насмешкой, глядя, как ловко Дор опутывает «племянницу» крепкими побегами, – побег от правосудия – лучшее доказательство вины.

– Пусть тут полежат, пока духи доберутся, – предложил сын, – а мы пока посмотрим, есть ли раненые.

– А не сбегут? – направляясь к лестнице, осведомился я на всякий случай.

– Усыплю, – решил он, и вскоре, обогнав меня, вихрем промчался мимо.

В доме слуг не было, мы нашли их во дворе. Хмурых, тихих, торопливо грузивших какие-то пожитки на телеги, где уже сидели испуганные, замурзанные детишки.

– И куда вы собрались как раз в тот момент, когда мы вычистили поместье от преступной шайки? – Спросил я строго, понимая, что иначе нельзя.

Начни охоть и сочувствовать, и они не поверят, что тебе под силу справиться с негодяями.

– Найдем, куда, – мрачно буркнул немолодой слуга, – все лучше, чем здесь.

– Ну езжайте, если детей не жаль. Зря я лекаря потревожил, тут его помощь никому не нужна. Только одно скажите, где найти матушку Ларика, хотели ее успокоить, с ним уже все в порядке.

– А где она еще может быть... – вздохнула одна из женщин, до самых глаз замотанная в старенький ситцевый платочек, – какая мать далеко уйдет от детей, если над ними повисла беда?

– Так это вы матушка Митея? – осведомился я и предложил, – хотите проведать своих парней?

– А где они?

– В школе королевских очей. Оба. Хороших вы детей вы-

растили.

– Конечно, – ринулась она ко мне, и тотчас оглянулась на упрямого слугу, – веди всех назад, Жак, – он не лжет. Всеслышащий даст, выживем.

– Вы будете надежно защищены, – твердо пообещал Дор, подхватывая с телеги сразу двоих малышей, – показывайте, где здесь купальня?

В ответ на мою просьбу отнести поближе к Ларику, древни почему-то поставили нас возле ограждающей школу стены. В густом сумраке позднего вечера, скупое разбавленного светом стоящих вдоль дорожек фонарей, я не сразу рассмотрел, что тут происходит.

Зато расслышал треск ломающихся веток, выкрики, шлепанье, сопение и весьма соленые словечки. Похоже, тут драка, и судя по тому, как ринулась в кусты матушка Митея, ее сыновья тоже здесь. И я прекрасно знаю, чем это может закончиться. Либо женщина попадет кому-нибудь под горячую руку, или кто-то оскорбит ее крепким словом и мелкая подростковая стычка станет причиной разбирательства дознавателей и в итоге – больших неприятностей.

От вердикта которых будет зависеть судьба моей школы, и главное, четырнадцати подростков, которым я успел наобещать светлое будущее.

– Духи, – само пришло простое решение, – свяжите их всех и несите нас в дом.

На этот раз древни выбрали просторный зал рядом со столовой, где я намеревался устраивать праздники и испытания. Тут почти пусто, стоят вдоль стен различные скамьи и диванчики, да таинственно прячется за тяжелым занавесом маленькая сцена. У нее и на самом деле есть секрет, полагающийся всем сценам выход в закулисы. Помещение, где до времени скрываются артисты, музыканты и всякие гримеры.

Но до этих времен нам еще очень далеко, сейчас передо мной, озираясь, стоит шестеро опутанных туманом парней и одна ошеломленная женщина в сильно поношенном платье служанки.

– Развяжите их, – мысленно прошу духов, усаживаясь на обитую кожей скамью, и добавляю вслух, – кто мне поведает, за что сражались?

– Не сражались мы, – дерзко шлепнувшись рядом, отказывается ученик и по голосу я узнаю Лин.

Только волосы у нее теперь еще короче, едва касаются плеч. Да растрёпаны, как у Шета. А вот и он, косится обиженно и упорно молчит.

– А выглядело именно дракой, – вздохнул я устало, – Вот и матушка Митея так же поняла, кинулась разнимать...

– Эти два дуралея спасти их пошли, – ничуть не смущаясь присутствия гостей, сообщила Лин, – а мы пытались остановить. Ведь заранее понятно, что никому они не помогут, если там банда действует. Только наоборот, руки развяжут. Хотя банда какая-то странная... давно можно было

полпоместья распродать и смыться... а они все живут там и открыто пакостят.

– Скоро все узнаем, мы их поймали. А теперь про Тала с Лариком, зря вы им мешали. Никуда они не уйдут, защита не пустит. Я вам сразу это сказал, а вы не поверили. Поэтому завтра все будете пробовать защиту на крепость.

– Я не буду, – отказался Клен, – я поверил. И им говорил, не ходите. Но Шет сказал, просто поговорим, объясним...

– Хорошо, отставим этот разговор на завтра. Сейчас у меня еще остались дела. А вы тоже идите отдыхать, отбой в десять вечера. Подъем в восемь. Завтрак – как доберетесь до столовой. Матушка Митея, пора возвращаться.

– Иду, – обняв обоих сыновей разом, женщина что-то шепнула им напоследок и шагнула ко мне.

Но в тот же миг ее перехватил зеленый смерч и утащил в свои тайные проходы. Нам с ней не по пути, я иду совсем в другую сторону.

– Грег, – задумчиво справилась Лин, – а в столовую обязательно нужно будет добираться?

Все-таки придется говорить Сарду спасибо за ученицу. Ее недоверчивость и бдительность лучшие качества для ока, если идут в придачу к справедливости и состраданию.

– Утром узнаете, – подмигнул насторожившимся ученикам, и ушел.

На этот раз домой, в замок.

Глава пятая

Дорик нашелся в столовой, удобно полулежал на диване, заваленный детскими игрушками и облепленный древнями. Все ясно, играл перед сном с малышами, уверенно повторявшими его опыт общения с духами. Близнецы пока не проявили способностей к магии, зато признали древней чем-то средним между питомцами и собратями, и любили не менее нежно, но не столь безоглядно, как наследник. Возможно, благодаря тому, что уже имели любящих братьев, выяснять я не собирался. Мне хватало и уверенности, что духи всегда будут опекать и оберегать младших ничуть не менее, чем Дорика. Ценить доброе отношение цветов жизни умел.

– Ну, как там в школе? – бодро осведомился напарник, едва я опустился в кресло.

– А древни разве не доложили?

– Я давно запретил им шпионить за тобой, – буднично сообщил Дор, – и кому-либо рассказывать о том, где ты и чем занят.

– Давно... это когда? – что-то невольно царапнуло меня в этом признании.

– Примерно лет шесть назад. Духи говорят – семь, – сообщил сын, и с довольной усмешкой пояснил, – мы были у Хенрика и кто-то из гостей спросил, куда пошел отец и о чем говорил. И мне почему-то очень не понравилось его любопыт-

ство, вот и ответил, что не знаю. А он недовольно буркнул, что тогда придется спрашивать зеленых жуликов и ушел.

– И это тебе не понравилось еще больше, – заключил я, только теперь начиная понимать, почему в последние годы напарница упорно зовет меня параноиком.

Как ни печально, Клара, но судя по открывающейся мне картине, это оказалось вовсе не лишней мерой предосторожности. Хотя и знаю я пока очень мало и понимаю еще меньше, но интуиция воеет пожарной сиреной, что вступать в такую каку мне еще не приходилось.

– Так что у нас в школе? – вернул меня к теме Дорик.

– Тал с Лариком решили, что без них мы детей не спасем, и попытались уйти. Порталом не получилось, так они полезли на стену, – начал рассказывать я, – а самые сообразительные собраты попытались их остановить... Когда пришли мы с Митеей, там была потасовка.

– Никто не пострадал?

– Нет... они не дрались, просто пытались удержать и уговорить. Да и Тал с Лариком особо руками не махали... как я думаю, не хотели задеть девушку.

– Там и девушки были? – нахмурился Дор, – и кто?

– Только одна... Лин, но меня это не удивило. Девчонка из тех, кто никогда не стоит в сторонке. Если честно, с ней мне просто необычайно повезло, нужно не забыть, поблагодарить Сарда.

– Это он ее притащил? – как-то скептически скривился

сын.

– Да, когда отбор уже закончился. Попросил взять под его ответственность... и теперь я радуюсь, что не отказал. Она прирожденное око, внимательная, чуткая, отзывчивая... и одновременно сильная и упорная.

– Ты так ее хвалишь, словно сватаешь... – мрачно усмехнулся Дор, мгновенно гася во мне всякое желание говорить об учениках.

– Извини, – поднявшись, холодно произнес я, – это от усталости. Спокойной ночи.

– Постой, – ринулся он следом, но остановить меня могла только лавина.

И она появилась. Обрушилась на голову призрачным облаком, завертела веретеном и опустила на что-то очень мягкое, принявшее мое уставшее тело как пуховая перина.

– Прости отец. – В разгорающемся сиянии сотен распускающихся во мху цветов, фигура стоящего напротив Дорика с каждым мигом становилась видна все отчетливее. – Я сказал глупость... на самом деле так не думаю. Да если хочешь знать правду... я, кажется, люблю эту вредину.

И вроде, обозвал девчонку, но столько тепла прозвучало в негромком признании, столько затаенного света полыхнуло в смущенном взоре, что мне сразу стало ясно, вот оно.

То, о чем Ортензия говорит в шутку, но чего в действительности боится больше грома. Появления незнакомки, которая станет для Дорика дороже всех нас и будет вертеть им

как веером. И все мои попытки доказать жене, что он сумеет найти не такую, успеха пока не имели.

– Дор, если ты расскажешь... хоть вкратце, из-за чего вы рассорились... возможно, я сумею помочь?

– А откуда ты знаешь... что мы поссорились? – подозрительно уставился на меня новый напарник.

– Ты же око? Значит, и сам можешь сообразить, какие факты подтолкнули меня к такому выводу.

– Какие? – надолго задумался он, и мне пришлось подсказать.

– Когда двое в хороших отношениях, они не делают, случайно встречаясь, таких каменных лиц, будто незнакомы. Так поступают только повздорившие влюбленные. Сегодня я был занят другими... и ничего не понял, но обычно вижу сразу.

– Духи... – не оглядываясь справился сын, – разве по моему лицу можно было что-то узнать, пока она... ну, до того вечера?

– Да, – честно сообщил возникший на его плече древень, – у тебя оно было такое...

– Все ясно, спасибо, – удрученно выдавил Дорик, и отпустил духа, не забыв погладить. – Тогда слушай... расскажу все по порядку... сам хочу понять, что пошло не так. Раз в три дня после обеда я хожу к Сарду, он меня учит... и однажды... месяца два назад, пришел раньше обычного. Он был занят, и я отправился к водопаду, наловить рыбы. Она там

падает с высоты и не сразу начинает понимать, куда плыть. Но место было занято, какой-то парнишка уже бродил между валунов, бросая рыбин в садок. Пришлось ждать, вдвоем там тесно. А он все ловил и ловил.

– У тебя садок порвется от тяжести, – пошутил я, но он сделал вид, будто не заметил. А когда вылез, на самом деле едва вытащил сеть. Мне очень не хотелось ему помогать, не люблю жадных, ведь ясно, что не на ужин ловил. А он торопливо натянул старенькие сапожки, разложил рыбу в два мешка, и достал тягу... ну ты знаешь, это такая тележка на маленьких колесиках. И таскать ее по песку очень непросто... а там песок.

– Я был на водопадах, – сообщаю негромко, больше всего опасаясь спугнуть редкий момент откровения.

– Забываю... но это хорошо, что не нужно объяснять. Он потащил свою тягу, а я повернулся к водопадам, времени оставалось мало. Но уже входя в воду, глянул вслед мальчишке. Тот согнулся чуть ли не вдвое, волоча свою добычу, а по его спине медленно разматывалась выбившаяся из-под шапки пышная коса. Меня как кипятком ошпарило, так стыдно стало... и сначала я ринулся к ней, помочь... но тут девчонка остановилась, косу убрать, и услышала мои шаги. Вмиг отскочила, выхватила кинжал и уставилась на меня с ненавистью, как на змею. Я не сразу понял... а потом обозлился... и рявкнул:

– Да нужна ты мне, крыса облезлая...

Сам до сих пор не пойму, почему так ее обозвал, но уже ничего не изменишь.

– Тогда чего сюда бежишь? – глядя с откровенным презрением, ядовито прошипела она.

Сильнее всего в тот миг мне хотелось уйти... и больше никогда туда не возвращаться. Останавливало лишь понимание, что стоит оставить грубиянку одну, как она снова потащит свою тягу.

А этого допустить я не мог... не так воспитан. Пришлось придумывать способ помочь и сначала мне пришло в голову вырастить ее тяге деревянные колеса, как у телеги, но тут вспомнились разные тележки, стоявшие в кладовой нашего садовника. Он последние годы ничего на них не возит... но выбросить не может. – Подожди минуту, – велел я злючке и в тот же миг духи унесли меня в ту кладовую. Чтобы через минуту вернуть назад, вместе с выбранной тележкой.

– Где ты это украл? – уставилась она на тележку, – тут какие-то гербы! Я это не возьму.

– Возьмешь, – перекладывая ее мешки, от обиды я рычал как дикий зверь, – а если кто-то спросит, скажешь, Дор дал. Все, иди.

– А тяга?

– Уже дома, – дав духам задание, рявкнул я и ушел домой.

Все равно Сард отменил бы урок, увидав моё настроение. Да я и сам не стал бы братья за острое оружие дрожащими от возмущения и обиды руками. Редко кто мог так меня

разозлить. Особенно девушки. И особенно гоблины. Мне припомнилось ее лицо, не имеющее ни одной черты, характерной для гоблинов, и понял, что она человек.

– Да, – подтвердил я, – чистокровный. Гоблинку я бы не взял в ученики. Они очень ценны для Гольдора как основательницы новых семей. А я, как правитель маленькой страны, не могу обворовывать сам себя. Но это сейчас неважно... значит, ты заинтересовался, как она попала в Гольдор?

– Да... – вздохнул сын, и наконец сел в моховое кресло, – но не сразу. Задумался дня через два, но еще три дня не ходил к Сарду... да и дела были. А когда пришел, ее в городке не было. Духи проверили... однако нашли только мою тележку во дворе одного маленького домика. Я провел расследование и выяснил, что там живет мать девчонки... с гоблином, к которому ушла от первого мужа. А Лин живет с отцом, но часто приходит проведать мать и маленьких сестреночек. И помогает им... ловит впрок рыбу, стирает, копает огород... это я позже узнал, когда она пришла снова. Духи мне сразу сообщили... и я отправился к Сарду... хотя в этот день урока не было... глупо, правда?

– Ничуть, – возмутился я, – ты имеешь право приходить туда, когда захочешь.

– Теперь не захочу, – помрачнел Дор, и мою душу овеял холодок недоброго предчувствия.

Похоже я что-то пропустил, закрутившись с этой школой. Но сыну отвечаю с бодрой беспечностью.

– Не зарекайся. Знаешь, сколько раз я клялся себе, что не буду больше разговаривать с Кларой? Так что было дальше? Ты пошел за тележкой?

– Конечно нет. Мне такое и в голову бы не пришло. Прийти к людям и сказать, добрый вечер, отдавайте мою тележку, так?

– Не так. Добрый вечер, я пришел узнать, как живет у новых хозяев знакомая мне тележка? У прежних она в чулане совсем затосковала без дела.

– Раньше не мог научить? – с шутливым укором спросил Дор и вздохнул, – Нет... мне никуда идти не пришлось, пока Сард чай наливал, она сама примчалась.

– Тележка? – сострил я.

– Лин. С тележкой. А в тележке – туесок с какими-то пряниками. Сард двери открыл, но она не вошла, с крыльца сказала, чтобы передал мне тележку, а в благодарность за помощь – эти самые пряники. Как это меня разозлило... представить не можешь. Даже в глазах на миг потемнело. Я кое-как взял себя в руки, успокоился и велел духам посадить девочку в тележку, дать в руки эти пряники и отправить домой. И закрыть для тележки выезд из двора, чтобы снова не притащила. А потом вернулся Сард, посидел, помолчал и сказал, – «Грегу пока ничего не скажу, чтоб не волновать, а ты, как поостынешь, пойдешь и попросишь прощения. У нас, в Гольдоре, с девушками так не поступают».

– У них в Гольдоре, – сердито фыркнул я, надо же, как за-

говорили! Хотя в одном Сардат прав, девчонка не заслужила такой пощечины. И если бы я не был еще знаком с Лин, то несомненно решил бы, что от оскорбления она утонула в слезах. Но теперь мне такое и в голову не пришло.

– И что она сделала?

– Ты хотел спросить, что сделал я. Поставил чашку и ушел.

– Но ведь вернулся?

– Через три дня. Все это время я пытался понять, насколько виноват в действительности. Чтобы проверить, задавал вопросы всем, кто попадался, духам, друзьям, однокурсникам... Разумеется не впрямую, а так, к слову, и не о себе. И постепенно осознал, что был неправ. Это понимание далось мне очень нелегко, но отправиться просить прощения оказалось еще труднее.

– Ненавижу каяться, – с кислой усмешкой признался я сыну, – особенно принародно. Лучше как-нибудь избегать таких ситуаций.

– С каждой минутой все яснее понимаю, насколько мы похожи, – вдруг задумчиво сообщил Дорик, – даже обидно становится, почему я не видел этого прежде?

Вот на этот вопрос ответа я не знал, поэтому просто пожал плечами.

– А потом Сард прислал сообщение, – продолжил рассказ сын, – такое... сухое, если я хочу продолжать обучение, то должен прийти к пяти часам. Намек я понял, прощение про-

сидеть придется, и решил идти. Но сначала, на всякий случай, принял меры предосторожности. Договорился с духами, чтобы сразу, как только я начну злиться, уносили домой. Зеленый путь оставил меня посреди двора наместника ровно в пять часов, и я, не глядя по сторонам, направился к дому, но со стороны сада раздался крик. «Дор, погоди», звал меня знакомый голос. Пришла получать извинения, неприятно кольнула догадка, сменившаяся ехидным вопросом, а просто слов ей будет достаточно или лучше добавить что-нибудь весомое из того набора безделушек, которые так любят все девчонки. Но, к счастью, вслух ничего этого я сказать не успел. – «Извини, пожалуйста», – крикнула она, еще не дойдя нескольких шагов и меня снова облило жаром стыда. Простая бедная девчонка оказалась смелее и честнее, чем я, потомок старинного рода и почти готовый мастер природной магии.

– Не хочу перебивать, – снова не выдержал я, – но в Гольдоре нет бедняков. Это какая-то ошибка.

– Да... и теперь я это знаю, – усмехнулся сын, – но тогда еще не подозревал... точнее, никогда об этом не задумывался. Просто стоял и ждал своей очереди каяться, даже не пытаясь ее перебить. А она говорила и говорила... и о том, что раньше меня тут не видела, потому и испугалась, гоблинов она не боится, никто из них женщину и пальцем не тронет, ни своей расы, ни нашей. А потом не поняла, почему молодые гоблины, с которыми она дружила, так огорчались,

узнав, что тележку ей подарил Дор. Все разъяснила Ками, когда Лин пришла к Сарду на урок, она учится бою на кинжалах и саблях. Жена наместника сказала, что Дор считается у гоблинок самым завидным женихом, потому что сын правителя. А Лин не знала, что у гоблинов есть еще один правитель... но лично ей жених не нужен, вот и решила вернуть тележку, не сообразив, что обидит этим человека. Мне хотелось сказать ей, чтобы не волновалась, принесу я этим сорокам по тележке, но пришел Сард и велел идти на площадку. Пришлось идти и два часа бросать дротики в разные чурбаки. Я не сомневался, что девчонка сразу же уйдет, хотя втайне пожалел, что не попросил подождать. Но вскоре забыл и про нее и про гоблинок, думал только как попасть в прыгающую мишень. Но Лин не ушла... сидела на кухне, лепила пирожки и внимательно слушала стоящую у плиты Ками.

– «У вас нет денег на кухарку?» – расстроился я, глядя на сильно округлившуюся жену наместника, – «так я дам. И женщину подходящую подберу».

– «Не нужно, – виновато смотрела суровая подруга Сарда, – ты же знаешь, мы не нанимаем людей. Лучше выпей чаю с пирожком».

– «Не нужно, – передразнил я, рассердившись еще сильнее, – Ты меня не желаешь услышать, стараешься отвлечь, так лучше я уйду...»

Лин догнала меня на крыльце, указала в сторону сада.

– Если пойти напрямик, можно выйти к огороду моего от-

чима.

– А у тебя есть тут любимое место... где можно просто посидеть, поговорить? – пришла мне в голову удачная, как я считал, мысль.

– Есть. Поваленная верба над рекой. Но там еще холодно... – девчонка зябко передернула плечами, и только в тот момент я заметил, как скучно, не по сезону она одета.

– Тогда идем в мое любимое место, – само нашлось решение.

– А это далеко?

– Для меня – везде близко. Но если ты знаешь место, где не будешь мерзнуть и где нам дадут чая – идем туда.

Несколько минут она думала, потом решила объяснить.

– «Завтра утром мне нужно быть дома, отец отпустил всего на два дня. И не сюда, а к моей старшей сестре. У нас с ней большая разница, и мы от разных матерей, поэтому ей он меня доверяет».

Вот такого я даже представить не мог, и сначала растерялся, не понимая, как она может жить, все время хитря и притворяясь.

– Ты не думай, – печально вздохнула Лин, – я могла бы от него уйти в любой момент... и ничто бы не удержало, ни дом, ни уговоры, ни решетки. Нужно просто отправить отчиму вестника, и он меня вытащит. Но пока терплю, отец уже стар и очень болен, за ним нужен присмотр. А сиделки и служанки долго не держатся, характер у него стал просто

невыносимый. Старшие сестры давно от него отказались, сами не ездят и внуков не пускают.

– Чем я могу помочь?

– Ничего не нужно... побегу я, мать ждет, попрощаться, – отказалась Лин, открывая калитку.

Разумеется, никуда я ее не отпустил. Попросил духов перенести нас к ее отчиму, подождал, пока они прощались и сам отвел в Брум, где живет ее сестра. И порадовался, обнаружив солидный особняк с ухоженным садом и чугунной оградой.

– Если сможешь выйти в сад, я подожду в беседке, – сказал я Лин на прощанье и неожиданно для себя самого, затаил дыхание, ожидая ответ.

– «Ладно,» – сказала она и сломала капсулу.

А я облегченно выдохнул и велел духам построить путь в самую удобную из ближних к особняку беседок. За то время, что Лин провела в доме, духи успели плотно заплести беседку изнутри цветущими лианами, вырастить пышные моховые кресла и притащить пледы, горячий чайник и печенье. В Бруме было теплее, чем в Гольдоре, но я не забывал, как одета девчонка и не собирался ее простужать. А еще ломал голову, пытаясь придумать, как подложить Лин купить ей новую одежду и при этом не оскорбить. К тому же что-то не сходилось... сестра, живущая в богатом особняке вполне могла бы, на мой взгляд, позаботиться о госте. Тут я вспомнил про капсулу, стоявшую как хорошие сапоги и запутался

окончательно... даже пропустил появление на садовой дорожке незнакомки. Заметил лишь, когда она тихо и неуверенно позвала – «Дор»?

– «Я здесь» – опознав голос Лин, отозвался я, оторопело уставившись на свернувшую к беседке девушку. Совершенно неузнаваемую в темной накидке с капюшоном, отороченным пушистым мехом. Вместо потертых мальчишечьих штанов на ней было шерстяное платье, а из-под его длинного подола виднелись носки теплых ботинок.

– «Где ты это взяла»? – спросил я, сообразив, что молчу слишком долго.

– «На кухне»... – растерянно ответила Лин, и только в тот момент я заметил узелок, висевший у нее на сгибе локтя. – «ты же хотел горячего чая»...

– «Чай уже есть, я на своей кухне добыл, – приходя в себя, сообщил ей и отобрал узелок, – а спросил про одежду. Откуда она?

– «Из моей комнаты, – пояснила Лин и виновато заглянула мне в глаза, – а ты думал, я всегда так хожу? Нет, это только для Гольдора. Отец очень подозрителен и временами засылает шпионов, проверить, как живет мать. Он не может простить ей ухода. Ну а если они увидят меня... то я больше не увижу мать и сестренку. Вот и прячусь».

Мне сложно вспомнить точно, о чем мы говорили еще, но одно знаю очень хорошо, ни с кем мне не было так легко. С Лин можно говорить обо всем, об оружии, о магии, о ло-

шадях... ей все интересно. По настоящему, а не так, как пытаются показать некоторые девушки. Сидят, поддакивают, а спросишь, о чем я говорил, начинают хлопать ресницами. В общем, просидели мы, пока в окнах дома не начал загораться свет. Лин расстроилась, что ей придется идти объясняться с сестрой, но я попросил духов и они, отперев окно комнаты верхнего этажа, унесли ее прямо в спальню. А потом убрали в беседке все следы нашего чаепития и унесли меня в школу. И только там, отоспавшись и позавтракав, я взглянул на все эти события свежим взором, и начал понимать, что кажется влюбился. В странную девчонку, которая не видит во мне возможного жениха, ходит в чужих старых штанах, ради встреч с бросившей ее матерью, бродит босиком по холодной речке, чтобы поймать рыбу для гоблина, укравшего ее счастливое детство. Но несмотря на все это, я с нетерпением ждал следующего свидания, наконец осознав, что самое первое у нас уже было.

– Вот знаешь... отец, – удивленно заявил вдруг Дорик, – сейчас, когда я тебе все это рассказал, вдруг все стало понятно... кроме одного... но это я могу сказать коротко. Мы встречались с Лин еще несколько раз, и все было просто замечательно, мне казалось, она тоже ждет этих встреч, как и я. А потом, восемь дней назад, в первый день лета, в Гольдор пришел торговый обоз. До этого мосты были скрыты половодьем. Все гоблины высыпали его встречать и тогда я своими глазами увидел, как прав был Сард, говоря, что бедных

среди гоблинов нет. Все товары, не торгуясь, смели за пару часов, и это время понадобилось купцам, чтобы считать золотые квадратики. Дист, отчим Лин, тоже был там. Покупал всего помногу, бочонки краски, рулоны ткани, ящики сладостей и южных фруктов, все то, что сами гоблины изготовить не могут. Я помог ему переправить все это домой, и пошел с Лин слушать менестрелей, прибывших с обозом. Мы сидели немного в сторонке, ели сушеные абрикосы и разговаривали о своем, когда рядом остановились три молоденьких гоблинки... совсем еще девчонки. Но язычки у них были ядовитые... я сначала не прислушивался, а потом понял, что обсуждают они Лин. И удивляются, что Дор нашел в этой человечке, кроме косы в ней не на что смотреть. Я хотел сказать ей, чтобы не обращала внимания на дурочек, но не успел. Лин вдруг вскочила, выхватила кинжал и одним махом отхватила свою косу... почти половину.

– «Держи», – крикнула она онемевшей гоблинке, швырнув ей волосы, – сделай парик и станешь самой красивой»

В тот же миг ее окутал темный туман сломанной капсулы и я прыгнул вслед, пытаясь удержать. И снова опоздал. Но сначала не слишком огорчился, решив поговорить с Лин в Бруме. Ушел туда зеленым путем, однако в доме сестры девушки не было, духи проверили. Оставалось только одно, найти дом ее отца, и я не сомневался, что кто-нибудь мне объяснит, где он находится. Не мать Лин, так Дист, не он, так Сард, или Ками. Не сказал ни один. Оказывается, Лин взяла

со всех клятву, что они никому не будут открывать ее тайн. Сначала я пытался их уговорить, убедить... потом разозлился. Сказал, что ноги моей в их дрянном городишке не будет и ушел... больше туда не хожу.

Глава шестая

– Я не стану тебе ничего говорить, – мягко сообщил я сыну, – пока не услышу объяснение Сарда, поскольку в этой истории он вел себя довольно странно. И теперь я хочу знать причины его поступков. Духи, принесите сюда Сардата, только дайте ему одеться, если уже спит.

– А ты уверен... – Дорик взирал на меня с непонятной тревогой, – что он подчинится? Гоблины его очень хвалят... а про тебя даже не вспоминают. Вон Лин... столько лет ходила к ним, но ничего не знала.

– И это правильно, – кивнул я, и смолк, глядя на шлёпнувшегося в мох Сарда.

– Между прочим, – осмотревшись, невозмутимо заметил он, кладя на стол блеснувшую лезвиями звёздочку, – я мог и порезаться. Добрый вечер. Наконец ты догадался вытащить меня в такое место, куда не дотянутся поисковые амулеты.

– Значит, на тебе маячки, – сразу догадался я, услышав о любимой игрушке сыскарей, – и кто поставил? Люди Жинтаса или ковен?

– На этот вопрос я не стану тебе отвечать, – дерзко заявил старый друг.

По всем правилам мне следовало поверить этим словам, но горящий тревогой и надеждой взгляд гоблина просто умолял об обратном.

– Вот, – колко заметил Дор, – расцвел цветик.

Сард посмотрел на него с жалостью и откровенно вздохнул.

– Подожди, Дорик... – остановил я напарника, – тут что-то не так... дай подумать.... Скажи, Сард, а ты не хочешь говорить или не можешь?

– Второе, – поспешно ответил он, и в голосе прозвучало искреннее облегчение.

– Значит, запретили, – сделал я единственный возможный вывод, – и кто? Ковен, сыск или король?

– Все, – удрученно вздохнул Сард, и сначала я его ответу не поверил.

Как такое может быть? Что я им сделал? Да всего несколько дней назад я обсуждал с королем деловые вопросы, и Клара там тоже была... А еще позавчера сидела рядом на отборе и подсовывала мне кандидата... Стоп. А вот отсюда нужно вернуться назад... и выяснить некоторые подробности.

– Сард, а ты не припомнишь, когда это произошло? Когда они тебе запретили что-то мне рассказывать? И почему все вместе?

– Не могу... – с болью шепнул он.

– Может, они клятву с него взяли? – предположил с интересом слушавший нас Дор.

Гоблин глянул на него с неожиданной благодарностью, а у меня огромный камень с души свалился. Ну вот вы и попались, заговорщики, теперь я узнаю все. И спокойно, без

спешки, продумаю план действий.

– Судя по тому, как ты развеселился, – Сард смотрит еще недоверчиво, но в голосе звучит надежда, – меня обманули?

– Немного не так, – усмехаюсь уже откровенно, – они искренне считают, что ты в капкане. Но забыли, что указ о передаче мне во владение Казайских пустошей я писал сам, и не забыл ни про особый статус майората, ни о правах его жителей. В том числе права на единое правосудие. А оно возможно лишь, если подданный присягает одному правителю. Поэтому все вы, жители Гоблинора присягаете только мне, и больше никому. И следовательно, никто не имеет права требовать от вас каких-либо клятв. А если вы их по незнанию дали, я имею право своей волей эти клятвы отменить. Что сейчас и делаю.

Я поднял ладонь, вызывая знак королевского ока, и строго произнес:

– Я, высшее королевское око Грег Диррейт, правитель Гоблинора, властью дарованной мне королем Тордизании, освобождаю наместника Сардата Шелана от всех клятв, данных им по незнанию.

– Если бы я знал... – с досадой выдохнул наместник, сдерживая с шеи ставший безопасным амулет, – ни за что бы не попался.

– А должен был знать. Это твоя обязанность, наизусть выучить законы, защищающие тебя и твоих сородичей. Ну, и как давно они повесили тебе на шею эту гадость?

– Еще в начале весны, луны четыре назад. И постоянно следят... один шпион даже живет в Гольдоре. Лавочку мелочную открыл... нашим торговать некогда.

– Пусть пока посидит... а если и сбежит, не страшно. Нам он не нужен. Лучше объясни, чего они хотели и почему ты не дал мне знак?

– Как дать тебе этот знак, если ты не приходишь? – расстроенно уставился на меня гoblin, – Они же нарочно тебя этой школой загрузили. Чтобы никуда не лез... а вот куда точно – я не знаю. Но знак я подать пытался... и не раз. Доральду делал обидные замечания, и даже угрожал, надеялся, что пожалуется, твои собственные приказы не выполнял... меня за это даже старшие матери два раза к себе вызывали, холку мылили... позавчера падчерицу Диста нахально при-тащил, ты и спрашивать не стал, почему...

Он с досадой махнул рукой и отвернулся, а у меня с души свалился последний камень.

– Завтра приду, поговорим спокойно, – пообещал ему твердо, – А сейчас объясни про Лин... и про ваши обычаи отрезать волосы. И почему этот Дист сделал из девушки служанку?

– Но это неправда! – возмутился прямодушный гoblin, даже не подозревая, что последний вопрос я добавил, чтобы отвлечь его от преждевременных догадок. – Он относится к падчерице, как к родной дочери. Когда Дист встретил Женьезу, Эвелине было всего шесть и он забрал их вместе. И

три года заботился о ребенке, как не каждый родной отец. А Женье за судилась с мужем, он не хотел давать ей свободу, пока не вернет дочь.

– Все, – остановил я его, – это дело я помню. И теперь я знаю, кто ее отец. Тогда он проиграл, но позже, семь лет назад, когда вы начали строить Гольдор, подал в суд на бывшую жену. Требовал отнять у нее дочь, вынужденную жить в шалаше, умываться холодной водой и спать на камнях. И на этот раз его адвокаты были убедительнее, хотя я был против. Но к сожалению в меньшинстве.

– Хорошая у тебя память, – непонятно, похвалил или съехидничал повеселевший Сард, но теперь я снова был готов прощать ему мелкие шпильки. – Ну а Лин отрезала косу неспроста. У нас есть правило... если потерял кого-то близкого, нужно отрезать часть волос и боль потери станет меньше. В тот день она ненадолго оставила лежавшего без памяти отца с сиделками, но сильно за него волновалась... и тут еще гоблинки решили развлечься... вот и сорвалась. И оказалось, что интуиция ее не подвела, он как раз ненадолго пришел в себя. Ну а потом она устраивала все эти скорбные церемонии... Дист получил вестника только на следующее утро, и мы пошли ей помогать.

Смотреть на застывшего статуей Дора было невероятно больно, но еще оставался шанс все исправить.

– Иди туда, – велел я сыну, – разгони всех по спальням и заberi ее в замок. Я тоже сейчас приду.

– Ты... – с непонятным сомнением спросил гоблин, когда мой напарник исчез, – разрешаешь Доральду хозяйничать в своей школе?

– Я взял его постоянным лекарем. Ты же понимаешь, что четырнадцать подростков непременно найдут где получить синяки и ссадины?

– А ковен... не заберет?

– Не сможет. Дор теперь королевское око и мой напарник, – гордо усмехнулся я, осознав, как вовремя занялся поиском лекаря.

И как удачно предложил это место сыну. Теперь у меня есть не только хороший целитель но и надежный напарник.

– И когда только успел? – ухмыльнулся Сард, поднимаясь из мохового кресла, – пора мне, Ками последние дни ходит, боюсь прозевать. Одну вещь еще хочу сказать... хотя давал Лин клятву молчать и не вмешиваться. Ее отец... старый негодяй, ничего девочке не оставил. Все отписал старшим дочерям, с условием, получит та, кому удастся до совершеннолетия выдать Лин замуж за состоятельного человека, обязательно живущего далеко от Гольдора.

– Спасибо. Духи отнесите его домой. – я подождал, пока растает туманный хвост зеленого пути и попросил, – и посмотрите за Ками. Если что-то будет не так, сообщите Дору.

– Мы и так следим, – вынырнуло из мха сразу несколько полупрозрачных голов, – Дорик уже попросил.

– А можете мне показать... что сейчас в школе? Самому

идти не хочется.

– Можем, – уверенно ответили они и я перевел дух, не люблю просить, если не уверен, что мне пойдут навстречу.

Зеленый призрачный шар вырос прямо передо мной, слегка сплюснулся, уплотнился и я увидел в нем, как в оконце, коридор на втором этаже и спину сына, стоящего перед толпой учеников.

– Да, я не ваш наставник, – спокойно говорил Дор, явно отвечая на дерзкий вопрос, – но я ваш лекарь и учитель. И сегодня проверяю, как вы исполняете команду отбой. Она прозвучала еще четверть часа назад, а вы еще гуляете по школе, хотя должны находиться в своих спальнях. Купаться, стелить постели и ложиться спать.

– А если не пойдём? – спросил один из учеников, чье имя я пока не выяснил.

– Не советую начинать учебу с нарушения правил. Вы видели, сколько было желающих сюда попасть? Как думаете, они согласятся приехать, если тут освободится место?

– Грег сказал, что никого не выгонит, – нахально прищурился Шет.

– Правильно, так он и сказал, – уверенно кивнул временному старосте Дор, – но вы же не дураки, прекрасно понимаете, что он имел в виду учеников, которые хотят учиться и хотят стать королевскими очами. А зачем ему тратить время и силы на дебоширов, не желающих выполнять написанных им правил?

– Я иду спать, – оторвался от толпы Клен, – спокойной ночи.

– Но мы же хотели караулить... – огорченно вздохнул кто-то.

– Чего тут караулить? – удивился сын, – стены охраняют заклинания, ворота – тоже и еще привратник.

– Столовую, – обреченно признался Мих. – Но я тоже пойду спать, я привык рано вставать.

– А зачем караулить столовую, она может сбежать?

– До нее придется добираться, – пояснил Шет.

– А..., так вы боитесь зарядки? – засмеялся Дор, – и ради этого готовы всю ночь не спать? Так это бесполезно. Завтрак может оказаться в любом другом месте.

А вот я до такого не додумался... видимо, это шуточки учителей южной школы. Нужно будет расспросить Дора. Хотя приготовил я вовсе не обычную зарядку, какую делают по утрам сонные ученики лицеев.

– Зарядку? – не поверил Шет, присмотрелся к Дору, – а не врешь?

– Утром проверишь. А сейчас спать.

Через минуту коридор опустел, и потянулись под потолком зеленые плети лиан. Вот теперь и я был спокоен за учеников. А Дорик шагнул в мою комнату и резко захлопнул за собой дверь. Нарочно так стукнул, понял я через пару секунд, когда дружно прикрылось несколько соседних дверей.

Ох и проныры!

Зеркало начало таять и мне осталось лишь разочарованно вздохнуть, духи и так нарушили мое же правило не следить за близкими.

Путь принес меня в столовую, к широкому мягкому дивану, в уголке которого сидела моя любимая и задумчиво крутила какую-то игрушку. Я рухнул рядом, уткнулся лицом ей в колени и нежно поцеловал погладившую меня руку.

– Много узнал?

Вот как она умудряется угадать главное, мне всегда было непонятно, но я неимоверно ценил эту способность. Легко разговаривать с человеком, которому не нужно ничего объяснять на пальцах.

– Сыск взял с Сарда клятву... – коротко поясняя ей выясненные вечером детали, а закончив, с деланой беспечностью добавляю, – а Дорик пошел в мою школу. И возможно придет сюда с девушкой... они, оказывается давно знакомы. Это та, последняя, что привел Сард.

– И ты только сейчас мне об этом говоришь? – Рванулась куда-то бежать Зия, но я не пустил.

– Ну и куда ты помчалась, родная? Все у тебя в порядке, и платье и прическа. А она вообще в мужском костюме ходит, и волосы коротко остригла.

– Зачем? – насторожилась жена.

– Я думаю, чтобы учиться не мешали. Но Сард говорит, у них обычай такой есть, когда кого-то теряют. А у Лин шесть дней назад отец умер.

– Так она гоблинка? Но королевские очи...

– Она человек, – ее мать ушла к гоблину и у них уже две дочери.

– Истинная любовь, – понимающе улыбнулась Зия и в этот момент неподалеку распустился пышный клуб зеленого тумана, принесшего Дора и Лин.

В одно мгновения я оказался на приличном расстоянии от жены. Сидел со скромно сложенными на коленях руками и кротко изучал вазу с фруктами, одиноко стоящую на обеденном столе.

И только через **несколько** секунд осознал, что никого не интересуется моя персона. Зия смотрела на сына, а тот удерживал рвущуюся из его рук Лин.

– Не хочу, не хочу, не хочу... – почти кричала она, – отпусти меня, никуда я не пойду...

Придется вмешаться, иначе у нее начнется истерика, понял я с огорчением. Так расстроить эту стойкую девушку могло только что-то очень серьезное и разбираться с этим придется прямо сейчас.

– Дор, – шагнул я к сыну, и Лин тотчас дернулась, притихла, затравленно озираясь. Видимо, только сейчас осознала, что они уже не в школе. – Позволь мне поговорить с ученицей? Всего две минуты.

– Сначала мы умоемся, – неожиданно отодвинула меня в сторону Зия, решительно подхватывая Лин под руку, – идем со мной. А вы пока чай подайте.

И та послушно пошла, так и не подняв на меня взора.

– Не переживай, – попытался я ободрить Дорика, – сейчас разберемся. Я тут кое-что узнал...

– Так ведь обрадовалась... – потеряно смотрит он, – по-настоящему обрадовалась, когда увидела меня в своей комнате. И вдруг...

– Что ее насторожило?

– Я сказал, что отведу ее сюда... познакомить с матушкой. Вот скажи, что в этом такого страшного?

– Ничего. Она боится вовсе не нас, ты сейчас это поймешь. Помоги мне принести чай.

– Духи, принесите пироги, – рухнув на стул, буркнул Дорик, и над столом замелькали зеленые ручки, – спасибо, мои хорошие.

– Проходи, не стесняйся, – раздался от двери голос жены, и я тотчас обернулся.

И только теперь понял, что ощутил сын, когда увидел Лин в платье. Женская одежда изменила ее кардинально, исчез слегка растрепанный, грубоватый парнишка с ехидным прищуром недоверчивых глаз и появилась хрупкая, изящная, немного растерянная девушка.

Дор тотчас оказался рядом с ней, усадил на стул, и, наполнив чашки чаем, устроился рядом.

– Грег... набравшись решительности, виновато взглянула на меня ученица, – я...

– А ты сначала попьешь чаю и выслушаешь меня, – реши-

тельно останавливаю заявления, от которых ей потом захочется отречься, — поскольку это я велел Доральду привести тебя сюда. Ведь ты уже шесть дней как моя подданная, а до сих пор не присягнула мне в верности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.